

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)

(направленность (профиль))

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Архаизмы в поэзии И. Бродского»

Студент(ка) Т.Ю. Кузнецова

Руководитель д.филол.н., проф. И.А. Измestьева

Допустить к защите

И.о. заведующего кафедрой канд.пед.наук, доцент
М.Г. Соколова _____

« _____ » _____ 2017 г.

Тольятти 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

УТВЕРЖДАЮ

И.о. завкафедрой «Русский язык,
литература и
лингвокриминалистика»

_____ М.Г. Соколова

«22» сентября 2016 г.

ЗАДАНИЕ
на выполнение бакалаврской работы

Студент: Татьяна Юрьевна Кузнецова

1. Тема бакалаврской работы: «Архаизмы в поэзии И. Бродского».
2. Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 13.06.2017
3. Исходные данные к бакалаврской работе: научные работы, посвященные анализу устаревшей лексики, творчеству И. Бродского, сборники стихотворений «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания», научная и учебная литература. Анализ языкового своеобразия поэзии И. Бродского проводился на основе изданий: Бродский, И. Конец прекрасной эпохи: Стихотворения [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 144 с.; Бродский, И. Разговор с небожителем: Стихотворения, поэмы [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 448 с.; Бродский, И. Урания: Стихотворения [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. – 224 с.
4. Содержание бакалаврской работы включает в себя характеристику устаревшей лексики; определение понятий «архаизм», «историзм»; анализ устаревшей лексики в поэтических сборниках «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания»; рассмотрение творческого пути И. Бродского.
5. Наглядный материал оформлен в виде электронной презентации.
6. Дата выдачи задания «22» сентября 2016 г.

Руководитель выпускной
квалификационной работы

д.филол.н., профессор
И.А. Измestьева

Задание принял к исполнению

Т.Ю. Кузнецова

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

УТВЕРЖДАЮ

И.о. завкафедрой «Русский язык,
литература и
лингвокриминалистика»

М.Г. Соколова

«22» сентября 2016 г.

**КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН
выполнения бакалаврской работы**

Студента Т.Ю. Кузнецовой
по теме «Архаизмы в поэзии И. Бродского»

Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения раздела	Отметка о выполнении	Подпись руководителя
Утверждение темы		22.09.2016	Выполнено	
Сбор материала по теоретической части	23.09.2016 – 30.11.2016	30.11.2016	Выполнено	
Написание 1 главы	01.12.2016 – 01.02.2017	01.02.2017	Выполнено	
Обсуждение 1 главы	02.02.2017	02.02.2017	Выполнено	
Практическое исследование, анализ, описание	03.02.2017 – 07.03.2017	07.03.2017	Выполнено	
Написание 2 главы	07.03.2017 – 05.04.2017	05.04.2017	Выполнено	
Обсуждение 2 главы	06.04.2017	06.04.2017	Выполнено	
Предзащита работы		19.04.2017	Выполнено	
Оформление чистового варианта работы	19.04.2017 – 10.06.2017	10.06.2017	Выполнено	

Руководитель бакалаврской работы

д.филол.н., профессор
И.А. Измestьева

Задание принял к исполнению

Т.Ю. Кузнецова

АННОТАЦИЯ бакалаврской работы

Выпускная работа бакалавра Татьяны Юрьевны Кузнецовой выполнена на тему: «Архаизмы в поэзии И. Бродского».

Цель работы – проанализировать устаревшую лексику в сборниках стихотворений «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания» И. Бродского, исследовать её функциональное предназначение и обоснованность использования в литературном произведении.

Для достижения цели бакалаврской работы были решены следующие задачи: 1) установлена научная разработанность поставленной проблемы, обобщены взгляды исследователей по вопросу функционирования устаревшей лексики в русской поэзии и прозе; 2) проанализированы сборники стихотворений «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания» И. Бродского с точки зрения воплощения в них архаизмов и историзмов; 3) расклассифицированы архаизмы, использованные автором; 4) выявлены стилистические функции устаревшей лексики в поэзии И. Бродского; 5) определено своеобразие художественной картины мира поэта.

Наиболее существенные результаты работы состоят в том, что доказаны следующие положения:

1. Значимость архаизмов с точки зрения художественной выразительности достаточно хорошо изучена на основе произведений русских авторов XIX-XX вв.

2. Употребление автором архаизмов и историзмов в сборниках «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания» И. Бродского служат для поэтизации речи, придания тексту торжественного оттенка, создания высокой экспрессии, иронии, исторической стилизации.

3. В специфике поэтического мира И. Бродского нашли отражение традиции русского поэтического творчества предшествующих эпох, которые поэт воплощает при помощи использования устаревшего пласта лексики.

Структура работы: введение, две главы, заключение и библиографический список.

В Заключение делаются обобщения по теме исследования.

Материалы исследования были представлены в докладах, написанных для студенческого научного общества «Лингва» (Тольятти 2016), для «Студенческих Дней науки – 2017» (Тольятти 2017), для выступления на Кирилло-Мефодиевских чтениях (Москва 2017), апробированы при прохождении педагогической практике в школе на уроках русского языка и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. АРХАИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ.....	11
1.1. Устаревшая лексика в составе русского языка.....	11
1.2. Архаизмы в художественном тексте.....	21
ГЛАВА 2. РОЛЬ АРХАИЗМОВ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО.....	27
2.1. Особенности творческой биографии И. Бродского.....	27
2.2. Устаревшая лексика в произведениях поэта.....	31
2.2.1. Историзмы в произведениях поэта.....	31
2.2.2. Типы архаизмов в поэтическом тексте.....	36
2.2.2.1. Собственно-лексические архаизмы.....	36
2.2.2.2. Лексико-фонетические архаизмы.....	50
2.2.2.3. Лексико-словообразовательные архаизмы.....	62
2.2.2.4. Лексико-морфологические архаизмы.....	66
2.2.2.5. Семантические архаизмы.....	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	75

ВВЕДЕНИЕ

И. Бродский – фигура в отечественном литературном процессе подчеркнута одинокая, уникальная в русской поэзии XX века. Уникальность его состоит, главным образом, в оригинальности и неповторимости. Стиль И. Бродского легко узнать. Принадлежность произведения его перу обуславливается подбором слов и их временами странным сцеплением.

Как отмечают исследователи, И. Бродским унаследован акмеистический принцип сочинять, его стихотворения содержательно насыщены и стилистически выверены. Автор экспериментирует со словом в своей стиховой речи. Он создает сложные смыслы, певучий синтаксис, стиховая волна наполнена неожиданным словарным запасом.

Настоящая бакалаврская работа посвящена функционированию архаизмов и историзмов в сборниках стихотворений «Конец прекрасной эпохи» (2011), «Разговор с небожителем» (2013), «Урания» (2009) И. Бродского. Представляется нужным проследить, чем же был обусловлен шаг И. Бродского в устаревшую лексику¹. Творчество И. Бродского заслуживает внимания и освоения. Любая книга поэта вызывала споры между его приверженцами и противниками. Он был вынужден эмигрировать из СССР в 1972 году по ряду причин, его произведения не публиковались, правительство не разрешало участвовать в международных литературных конференциях, на которые И. Бродский неоднократно получал приглашения. Только в 1987 году на родине вновь заговорили о поэте в связи с перестройкой в СССР и присуждением ему Нобелевской премии, и в ближайшем времени издания стихов и эссе поэта хлынули потоком.

Творчество И. Бродского исследовано в различных аспектах. Так,

¹ И. Бродский пишет: «Поэзия есть искусство границ, и никто не знает этого лучше, чем русский поэт. Метр, рифма, фольклорная традиция и классическое наследие, сама просодия – решительно злоумышляют против чьей-либо «потребности в песне». Существуют лишь два выхода из этой ситуации: либо предпринять попытку прорваться сквозь барьеры, либо возлюбить их. Второе – выбор более смиренный и, вероятно, неизбежный» [Бродский: электр. источник].

написано большое количество диссертаций², рассмотрены частные вопросы поэтического мастерства И. Бродского, например: «К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского» Н.А. Мишанкина, О.В. Орлова (2004), «Статьи о Бродском» Т. Венцлова (2005), «Иосиф Бродский: метафизика и реальность» О.И. Глазунова (2008), «Философская антропология Иосифа Бродского» Ю.Ш. Стрелец (2008), «Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам 1972-1995» Д.Н. Ахапкин (2009), «Интертекстуальный диалог: Песни невинности и опыта Уильяма Блейка и Иосифа Бродского» Н.Е. Камовникова (2009), «Иосиф Бродский в XXI веке» О.И. Глазунова (2010), «Пристальное прочтение Бродского» В.И. Козлов (2010), «Категория персональности в поэтической речи И. Бродского» О.А. Тихонова (2010), «Духовное и вещественное в ранней лирике И.А. Бродского» А.Ю. Смирнова (2011), «Иосиф Бродский. Проблемы поэтики» А.Г. Степанов (2012), «Отсутствующий образ: Петербург в стихотворении И. Бродского «Я родился и вырос в балтийских болотах...»» К.С. Соколов (2013), «Когнитивная метафора времени в поэтическом дискурсе: трансформация метафорики У. Одена в творчестве

² Например, «Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: эстетика метафизической свободы против трагической реальности» И.И. Плехановой (2001),

«Литературно-критические взгляды Иосифа Бродского» А.А. Новикова (2001),

««Филологическая метафора» в поэзии Иосифа Бродского» Д.Н. Ахапкина (2002),

«Автoperеводы Иосифа Бродского и их восприятие в США и Великобритании 1972-2000 гг.» А.С. Волгиной (2005),

«Динамическая картина мира И. Бродского – лингвистический аспект» И.Ю. Самойловой (2007),

«Англо-американский мир в рецепции И. Бродского: реальность, поэзия, язык» Н.С. Гавриловой (2007),

«Поэтическая метафизика И.Бродского в контексте культурной традиции» Н.Г. Медведевой (2009),

«Публицистика И.А. Бродского» П.А. Горпиняк (2009),

«Петербургский текст в художественной концепции И. Бродского» О.С. Горелова (2010),

«Иосиф Бродский: формирование литературной репутации» Л.Ф. Машковцевой (2012),

«Метафизический стиль в поэзии Иосифа Бродского» И.А. Снегирева (2012),

«Любовная лирика Иосифа Бродского в контексте западноевропейской лирической традиции: формирование стиля» Е.А. Погорельской (2013),

«Система лирической коммуникации в книге И. Бродского «Новые стансы к Августе»: структура, модели, стратегия» Я.Ю. Двоенко (2014).

И. Бродского» (2014).

Существуют монографии, посвященные творчеству И. Бродского, например, «Процесс Иосифа Бродского» Е. Эткин (1988), «Как работает стихотворение Бродского» Л.В. Лосев (2002), «Поэтический язык Иосифа Бродского» Л.В. Зубова (2015).

Однако изучение устаревшей лексики в поэзии И. Бродского остается мало исследованной областью художественной мастерской поэта, что и определило **актуальность** настоящей работы.

Объектом бакалаврской работы выступили три сборника произведений И. Бродского: 1) «Конец прекрасной эпохи» (В этот сборник вошли некоторые стихотворения автора, написанные в период с 1964 по 1971 годы); 2) «Разговор с небожителем» (Здесь мы видим «большие стихотворения» – жанр, созданный самим автором, и поэмы поэта, написанные им на протяжении всей жизни); 3) «Урания» (стихотворения, написанные в 1973-1987 годы).

Предмет исследования составила устаревшая лексика в сборниках стихотворений «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания».

Цель бакалаврской работы состоит в том, чтобы проанализировать устаревшую лексику в сборниках стихотворений «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания» И. Бродского, исследовать ее функциональное предназначение и обоснованность использования в литературном произведении.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) установлена научная разработанность поставленной проблемы, обобщены взгляды исследователей по вопросу функционирования устаревшей лексики в русской поэзии и прозе;

2) проанализированы сборники стихотворений «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания» И. Бродского с точки зрения воплощения в них архаизмов и историзмов;

3) расклассифицированы архаизмы, использованные автором;
4) выявлены стилистические функции устаревшей лексики в поэзии И. Бродского;

5) определено своеобразие художественной картины мира поэта.

Методы исследования. В настоящей бакалаврской работе традиционно использовались методы анализа научных источников и обобщения полученных данных, метод описания позволил дать характеристику устаревшей лексике, которая отразилась в поэзии автора, сдать выборку материала и провести анализ. Прием культурно-исторической интерпретации материала раскрыл поэтическую преемственность. Метод компонентного анализа выявил устаревшие лексемы и их семантику, а общий филологический метод осмысления поэтического текста раскрыл творческую мастерскую И. Бродского.

Положения, вынесенные на защиту:

1. Значимость архаизмов с точки зрения художественной выразительности достаточно хорошо изучена на основе произведений русских авторов XIX-XX вв.

2. Употребление автором архаизмов и историзмов в сборниках «Конец прекрасной эпохи», «Разговор с небожителем», «Урания» И. Бродского служат для поэтизации речи, придания тексту торжественного оттенка, создания высокой экспрессии, иронии, исторической стилизации.

3. В специфике поэтического мира И. Бродского нашли отражение традиции русского поэтического творчества предшествующих эпох, которое поэт воплощает при помощи использования устаревшего пласта лексики.

Значимость выпускной квалификационной работы бакалавра состоит в том, что сделанные наблюдения над поэтическим текстом могут быть применены на занятиях по филологическому анализу в школе и вузе.

Апробация работы. Материалы исследования были представлены в докладах, написанных для студенческого научного общества «Лингва» (Тольятти 2016), для «Студенческих Дней науки – 2017» (Тольятти 2017), для выступления на Кирилло-Мефодиевских чтениях (Москва 2017),

апробированы при прохождении педагогической практике в школе на уроках русского языка и литературы.

Структура работы: введение, две главы, заключение и библиографический список, который содержит 90 наименований. Общий объем бакалаврской работы составляет 83 страницы.

ГЛАВА 1. АРХАИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

1.1. Устаревшая лексика в составе русского языка

Употребление устарелых слов и старинных оборотов речи; также подражание старинному стилю в искусстве получило название архаизмов [Брокгауз, Ефрон 1890: 212]. Понятие устаревшего слова ассоциируется с пассивной лексикой языка. Активный и пассивный словарь противопоставляются друг другу [Щерба 1940: 110]. Тем не менее, идея их разграничения существует давно. Например, у М.В. Ломоносова в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» можно встретить такое предложение: «Ко второму роду речений принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю» [Ломоносов 1986: 473]. Он предлагает исключить архаичные слова.

Впервые термин «архаизм» употребляется в 1751 году, однако точного определения термина до сих пор не дано. Некоторые лингвисты (А. Едличка, А.И. Смирницкий) ставят архаизмы за границы современной языковой системы и относят их к категории несуществующих слов этого языка. Другие лингвисты (Ш. Балли, Э. Косериу, Е.Г. Михайлова) утверждают, что архаизмы являются элементами современного языка, потому как в иное время они не могли осуществлять данную функцию, что архаизм попадает в наше поле зрения, если он еще активный.

С функциональной точки зрения архаизмы помечаются как стилистически маркированные варианты с ограниченной зоной употребления, противопоставленные современным нейтральным синонимам: *десница – правая рука, око – глаз, сей – этот.*

Общепризнанной классификацией архаизмов является классификация Н.М. Шанского. Лингвист выделяет несколько типов архаизмов: лексические

(собственно-лексические, лексико-словообразовательные, лексико-фонетические, лексико-морфологические) и семантические (устаревшие значение слов, которые в других значениях являются нейтральной лексикой современного русского языка). Мы в настоящей работе будем опираться на данную классификацию.

Для обозначения перехода слов в разряд устаревших применяется термин «архаизация». Известно, что механизм процесса архаизации таков: сначала отмечается наличие в языке равноправных и стилистических вариантов. Далее это перерастает в контрастивное варьирование из-за увеличения функциональной сферы одного из вариантов, тогда как сфера другого уменьшается. У последнего сужается количество употребляющих данный вариант в речи как нейтральный и возрастает как устаревший. Последний вариант смещается к периферии языка, становится меньше его круг потенциальных контекстов. В итоге архаизм фиксируется на периферии в качестве носителя определенного признака, он может менять свое категориальное качество [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 22].

К пассивной лексике относят устаревшие слова, значения слов и словосочетания, которые вышли из активного употребления по причине утраты реалий [Кожина 2011: 114]. Процесс историзации определен экстралингвистическими факторами, появление данной группы устаревших слов обусловлено внеязыковыми причинами: развитием производства, социальными преобразованиями в обществе, обновлением предметов быта. У историзмов нет синонимов в современном русском языке. Это связано с тем, что сами реалии вышли из употребления, для которых эти лексемы служили наименованиями. Для воссоздания колорита ушедших веков, при описании давних эпох историзмы функционируют как специальная лексика, они выступают в качестве терминов, не имеющих эквивалентов. Слова становятся историзмами, независимо от периода своего появления в языке: они могут быть связаны с отдаленными временами (*воевода, опричнина*) или

с недавними (*уезд, губком*). В научной литературе по лингвистике выделяется превалирование функции исторической стилизации, исполняемой историзмами.

На различных ступенях своего развития поэтический язык пытается использовать формы, не освоенные «практикой повседневного конкретно-референтного употребления». Речь идет о словах, которые имеют «слабый ореол связанности с денотативным внеязыковым пространством» [Григорьев 1990: 34]. Сюда относятся разного типа архаизмы. «По своему значению они могут полностью совпадать со своими синонимами, принятыми в языке повседневного общения, в других формах речевой деятельности, а отличаются именно тем, что в сознании говорящего они не связываются с привычными для них предметами и в привычном для них освоенном неязыковом пространстве. В парах *глаза-очи, лоб-чело, губы-уста* исходное противопоставление лежит, прежде всего, в референциальной сфере. Специфические явления поэтического языка являются, таким образом, сигналом и подтверждением того особого денотативного пространства, с которым связан стихотворный текст» [Григорьев 1990: 35].

Архаизмы занимают значительное место в лексическом составе русского языка. «Все, что тем или иным способом выпадает из активного языкового употребления, архаизируется, причем степень архаизации определяется временем и живым языковым сознанием говорящих» [Григорьева 1953: 12].

О. Ахманова дает следующее определение архаизму:

«1. Слово или выражение, вышедшее из повседневного употребления и потому воспринимающееся как устарелое: *русск. ваятель, вдовица, врачевание, втуне, даяние, лихоимство, науцать*.

2. Троп, состоящий в употреблении старого (старинного) слова или выражения в целях исторической стилизации, придания речи возвышенной стилистической окраски, достижения комического эффекта и т.п.: *русск. перст судьбы*» [Ахманова 1966: 56].

В настоящей работе мы обратим особое внимание на лексические и семантические архаизмы. Н.М. Шанский писал: «В одном случае мы имеем дело с такими словами, которые ныне вытеснены в пассивный словарный запас словами с другой непроизводной основой. Например: *вотше* (*напрасно*), *ветрило* (*парус*) и др. <...> В другом случае мы имеем дело с такими словами, которым ныне в качестве языковой оболочки выражаемых ими понятий соответствуют слова однокорневого характера, с той же самой непроизводной основой. Например: *настырь-настух*, *ответствовать-отвечать* и т.д. В этом случае слово, употребляющееся в активном словаре сейчас, отличается от архаизма лишь с точки зрения словообразовательного строения, лишь суффиксами или префиксами, непроизводная же основа в них одна и та же, и образованы они от одного и того же слова <...>. В третьем случае мы имеем дело с такими словами, которые в настоящее время в качестве языковой оболочки соответствующих понятий заменены в активном словаре словами того же корня, но несколько иного языкового облика. Например: *зерцало* (*зеркало*), *глад* (*голод*) и др.» [Шанский 1972: 150-151].

Л.Я. Гинзбург отмечает: «Взаимодействие традиции, наследия прошлого с утверждением нового, вечное взаимодействие, которым живет эстетический акт» [Гинзбург 1964: 5]. Ученые, исследовавшие язык поэтических произведений, нередко говорили об особой роли традиционного в стихотворной речи. Н.Н. Иванова подчеркивает: «От того, как сумеет поэт приспособить языковые средства, унаследованные современной поэтической речью от прошлых эпох развития литературного языка, к выражению нового содержания, насущных проблем современности, личного душевного опыта, во многом зависит художественная выразительность лирического произведения, его эстетический потенциал» [Иванова 1977: 7].

Благодаря данному высказыванию, можно без труда объяснить интерес к лексическим составляющим поэтического языка. С их помощью реализуется его связь с историческим прошлым литературного языка и языка поэзии, другими словами, с высокой, поэтической, архаической

лексикой. «То, что для литературного языка является устарелым, в поэзии чаще «высокое» или «поэтическое» в силу замкнутости лирического текста, экспрессивно-стилистической функции речевого материала и способа его организации» [Иванова 1977: 8].

Множество слов, воспринимавшихся сейчас как устаревшие, использовались в прямом номинативном смысле в литературе XVIII-XIX веков. Область их использования была ограничена, поэтому они начали восприниматься в качестве «специфических сигналов условий их употребления» [Иванова 1977: 9]. Несомненно, создание торжественности поэтического произведения достигается не только за счет введения в него архаического пласта лексики. Тем не менее, все признают ее огромные изобразительно-выразительные возможности, позволяющие обогатить образы, которые создавал поэт в стихотворном произведении определенной тематики, и добиться всевозможных эмоциональных оттенков. Уместность употребления данной лексики определяется следующим: эмоционально-стилистическими возможностями языковых явлений, индивидуальным авторским пониманием архаизмов, учетом автором конкретного контекста. Некоторые языковеды считают, что архаизмы высокого стиля в поэзии прошлого века редко употребляются (О.С. Ахманова придерживается мнения, что их употребление – свидетельство чуть ли не плохого вкуса). Но наблюдения ученых доказывают эстетическую значимость архаизмов в художественном тексте, эти слова часто фигурирует в произведениях многих поэтов XX века.

Е.А. Дворникова приводит данные, что в журналах, которые вышли в Москве и Ленинграде в 1972 году, архаическую лексику в своих стихотворениях используют восемьдесят четыре поэта: П.Г. Антокольский, А.А. Вознесенский, И.К. Авраменко и другие. Е.А. Дворникова также пишет о причинах её использования, тем самым определяя поэтической фон того

периода³. Она отмечает: «При рассмотрении места традиционно-поэтической лексики в истории стихотворного языка советского периода важно отделить индивидуальное, авторское от характерного для языка эпохи, обусловленное тематикой от заведомо предназначенного для достижения стилистических и технических целей» [Дворникова 1977: 153]. Многие авторы XX века обращались к архаическому пласту лексики. Это свидетельствует о том, что этот слой лексики понимается ими как средство стилистической выразительности.

Поэты прошлого столетия не ограничиваются обращением к конкретным словам в употреблении данного языкового уровня лексики, поэтому они обращаются к архаическим грамматическим формам отдельных слов и словообразовательным моделям. Это дает им возможность воссоздавать утерянное или образовывать новые слова по старым образцам.

Архаизацию рассматривают как процесс устаревания отдельных слов. Однако существует группа архаизмов-старославянизмов, исконно призванных реализовывать в русском языке определенную стилистическую (даже стилеобразующую) функцию. В основном это поэтическая лексика, которая является базисом для художественного текста: *град – город, вежды – веки, златой – золотой, ланиты – щеки; воитель – воин; внимать – слушать; юдоль – место успокоения; денница – утренняя заря или звезда* и другие.

Архаизация репрезентирует в языке диалектическую изменчивость материи. Таковы причины устаревания некоторых языковых единиц:

1. При соперничестве «заимствованное – исконное слово» результат зависит от конкретно-исторической ситуации: когда-то «аэроплан» заменили на «самолет», «взяточничество» – на «коррупцию». Множество

³ «В 60-70-е годы, а возможно, и во второй половине 50-х годов, отмечается оживление в употреблении слов данной категории. Во многом это связано с расширением тематики стихотворных жанров, с большим вниманием к старине, более частым обращением к интимной лирике, развитием философской лирики и творческим использованием традиций А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина» [Дворникова 1977: 152].

заимствованных слов эпохи Петра I не удержалось в русском языке и стало архаизмами⁴.

2. Становиться архаизмами может разговорная лексика: *разумение – мнение, точка зрения; призор – присмотр, наблюдение.*

3. Много устаревших просторечий: *сродник, сродственник – родственник; планида – судьба, участь* и другие.

4. Архаизмы-диалектизмы, которые зафиксированы в толковых словарях русского литературного языка: *нежить – фантастические создания, имеющие человеческий вид (русалка, леший); почто, пошто – зачем, почему, отчего.*

Архаизмы связаны с многозначностью слова. Архаизация может затрагивать только отдельное значение многозначного слова: *возмутитель – тот, кто нарушает порядок, вызывает волнение, смущение и (устаревшее) тот, кто поднимает мятеж, восстание; притереться – приработаться и (устаревшее) втереть в кожу какое-либо медицинское средство.*

Нередко архаизации подвергается вторичная семантика слова, которое стало историзмом, например, *жители феодальной вотчины Древней Руси называлось челядью* (историзм), а те, кто, как лакей, прислуживает кому-либо – *челядь* (архаизм).

Также устареть может употребление слова, которое связано с определенной сочетаемостью с другими словами. Например, слово «безопасный» означает в современном языке «защищенный от опасности» и определяет, как правило, место. Данное прилагательное у А.С. Пушкина употребляется со словами, обозначающими людей: *безопасные люди*⁵

⁴ *Если ты будешь моею женой,
Завидную выберешь долю:
Начнутся забавы одна за другой,
Плезиров и радостей вволю.*

(А.А. Фет)

⁵ «Дело в том, что осетинские разбойники, безопасные в этом месте, стреляют через Терек в путешественников» (наблюдение А.Д. Григорьевой).

Архаизмы имеют в современном языке синонимы: *фетюй – разиня, ратай – воин, фанбала – оборка* и другие. Однако в некоторых случаях синонимичные варианты полностью поглощают своим значением все семантическое поле архаизма. Иногда синонимичные варианты не возникают совсем. С устареванием слова исчезает его понятие, например, *участок для гимнастических, конных и прочих состязаний* называлось *ристалищем*⁶.

В современном русском литературном языке архаизмы отмечены в толковых словарях пометой «устар.». Тем не менее, в малом академическом словаре в строго терминологическом смысле с данной пометой показаны не только архаизмы (*иноземец – иностранец*), но и часть историзмов (*вельможа – знатный сановник*). К архаизмам также относятся диалектизмы (*нонешний – нынешний*) и просторечия (*нынешний – сегодняшний*). Большая группа слов перешла в пассивную лексику без замены синонимом в активной: *любезник – тот, кто постоянно любезничает с женщинами*.

В советский период к устаревшей лексике были отнесены понятия, обозначающие явления, связанные с православным вероисповеданием (*замолить, смирение, воздаяние, греховный, богохульный* и другие); слова, обозначающие какие-либо отрицательные явления действительности (*откупиться, поборы, беспорядки* и другие); лексика, связанная с традиционным бытом (*приданое*). Устаревшими словами были объявлены те, которые имели, видимо, с точки зрения составителей, обидное созначение (*туземец*).

Устаревшая лексика фиксируется также в специальных словарях⁷.

В произведениях авторов XIX века встречается огромное количество устаревших слов. Исследователи Г.О. Винокур, Т.А. Павлюченкова, А.А. Абдуллаев, А.С. Колодина, А.К. Ивонтьева, М.Н. Шмелева, Ю.Н. Тынянов, А.Д. Григорьева, Н.Н. Иванова, А. Тахсин и др. изучали функционирование архаизмов в творчестве К.Н. Батюшкова, В.Я. Брюсов,

⁶ «Никогда гарденинские лошади не появлялись на ристалищах» (А.И. Эртель).

И.А. Бунина, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, В.А. Жуковского, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.П. Чехова и др. Устаревшая лексика в художественных текстах отражает торжественный, возвышенный стиль, передает дух описываемый старины, создает колорит эпохи, служит для поэтизации произведений и более полного раскрытия образов героев.

Обратимся к истории изучаемого лексического пласта в XX веке, базируясь на работах языковедов о славянизмах и традиционно-поэтической лексике.

1. Объем архаической лексики сильно сократился по сравнению с XIX веком. Это произошло из-за слов, не обладающих стилистической выразительностью (*драгость, престать*); слов, представляющих собой искусственно созданные варианты общеупотребительных наименований (*соединить, сокрывать*); убавилось число слов, отличавшихся от синонимов, находящихся в общем употреблении, наличием такой фонетической черты как неполногласия (*глад*).

Другая линия изменения архаизмов: к ней примкнули исконно русские слова, которые заменили старославянскими вариантами: *ворог, полон, дерева*. Исследователи отмечают, что оживление этой группы слов связано в основном с тематикой поэзии Великой Отечественной Войны.

2. Семантика некоторых слов тоже изменилась. Слово «сень» имело значение «покров», а в употреблении поэтов прошлого века сужает семантику и приобретает значение «лиственный покров деревьев». Слова, обозначающие названия частей лица и тела человека, в нынешней поэзии часто используется в метафорических контекстах, например, при олицетворении природных стихий, времен года и т.п. (*ланины весны, десница ветра*).

3. Первичное значение изучаемых слов остается прежним с функциональной точки зрения. Чаще всего архаизмы привлекаются, когда речь заходит о литературном прошлом. В таком случае к ним прибегают

даже те поэты, которые, как правило, их не употребляют. Нередко это выявляется в стихотворениях, посвященных А.С. Пушкину. Прослеживается сочетание версификационной и стилистической функций устаревшей лексики, как и в литературе XVIII-XIX веков.

4. В разные этапы истории русского языка советского времени состав и употребительность устаревшего пласта лексики различно.

В творчестве поэтов 20-30-х годов XX века, во время «языковой разрухи», царит отрицание авторитетов и прошлых традиций, отмечается преобладание нейтрального стиля в поэзии. Это объясняется превалированием социальной тематики. В связи с актуализацией патриотической тематики и общественным духовным подъемом в годы войны, первого послевоенного десятилетия в некоторой степени возрождаются обычаи возвышенного стиля. В поэтических произведениях вновь возникают традиционные слова стихотворного слога, в основном их риторический вид, обогащенный устаревшей лексикой древнерусского происхождения.

Н.О. Григорьева, Т.В. Коростелева, Е.А. Дворникова, В.П. Прищепя, Т.П. Акимова, В.В. Леденева, А.В. Романов, А. Югов, Х. Отгон-Эрдэнэ, А.Е. Крылов, Т.В. Коростелева, Л.В. Зубова отмечают в своих исследованиях, что в XX веке архаизированной лексикой пользовались такие писатели и поэты, как Б. Акунин, Б.А. Ахмадулина, А.А. Вознесенский, Е.А. Евтушенко, М. Горький, С.Д. Довлатов, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, Ю.Н. Нагибин, Б.Ш. Окуджава, А.И. Солженицын, М.И. Цветаева.

Итак, архаизмы – это единицы, функционирующие особым образом. Устаревшая лексика характеризуется сужением сферы использования, причины архаизации слов, по мнению большинству исследователей, различные: одни слова вытеснили другие варианты подобных слов, архаизмы – неактуальные слова, историзмы же возникают по неязыковым причинам. Можно сделать вывод, что существует два понимания архаизмов: широкое и

узкое. Узкое понимание предполагает ограничение состава архаизмов собственно архаической лексикой. Согласно широкому пониманию архаизмов, в их состав входят историзмы, редко употребительные слова. Учитывая современные тенденции развития архаической лексики, узкое понимание архаизмов является более оправданным.

1.2. Архаизмы в художественном тексте

Архаизм функционально отмечаются как стилистически обозначенные варианты с ограниченной областью использования, противопоставленные современным нейтральным вариантам, типа *очи – глаза ибо – так как*.

Рассмотрим феномен устаревшей лексики в литературных произведениях. Как было отмечено выше данную категорию словарного запаса языка использовали писатели и поэты разных веков. Можно встретить устаревшую лексику в произведениях А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и в творчестве современных авторов.

Большинством лингвистов (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, М.Л. Гаспаров, А.И. Гальперин, Р.С. Гинзбург, М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев и др.) группируют архаизмы по функции:

1. Современные архаизмы употребляются в текстах минувших эпох в прямой номинативной функции (для прошлых веков они не являлись архаизмами):

«Также сел опять на корабль свой, поехал на Лену. А как приехал, в Енисейской другой указ вышел: велено в Дауры вести... И отдали меня Афанасью Пашкову в полк – людей с ним было шесть сот человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня. Егда поехали из Енисейска, как будем в Большой Тунгуске реке (Ангаре), в воду загрузило бурей донник мой совсем... жена моя на палубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя» («Житие протопопа Аввакума, 1672-1675 гг.»).

2. Часто лексика данного ряда используется как средство, которое вносит в текст или его часть высокий, торжественный оттенок или

иронический. «Экспрессия лексики через слово передается предмету, явлению, признаку, действию, которые таким способом «поэтически» утверждаются, возвышаются или отрицаются, осмеиваются, вышучиваются» [Иванова 1977: 19]. Эту функцию осуществляют и в таких случаях, когда интересующие лексемы сочетаются со словами другого ряда, образуемого просторечиями, наименованиями «низких» реалий. Так же устаревшие слова используются в качестве разновидности возвышенной лексики, которая используется в стихах или публицистической, ораторской речи (в жанрах высокого стиля)⁸.

Уже в XIX веке старославянские *виждь*, *внемли*, *глагол* воспринимались как устаревшие и поэтому формировали возвышенный слог.

Чаще всего в художественных произведениях употребляются фонетические, лексические или словообразовательные архаизмы, меньше всего семантические. Историзмы используются в исторических, приключенческих, военных романах. Например, в романе А.Н. Толстого «Петр I»⁹.

3. Архаизмы в художественных текстах о пушкинских временах наравне с историзмами применяются для отображения исторического колорита эпохи, играют моделирующую роль, показывают связь с литературным прошлым, имитируя язык прошедших лет. Маркированная лексика превосходно показывает дух эпохи, изображает жизненные реалии, переносит читателей в атмосферу описываемых событий. Если в исторических и научных трудах архаизмы и историзмы выполняют номинативную функцию, то в художественных произведениях функция данной лексики определяется как номинативно-стилистическая, поскольку

⁸ *Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей...*

(А.С. Пушкин)

⁹ «У двух дверей стояли по двое белые рынды с топориками на плечах, неслышно переминаясь».

она дает четкое определение понятию и создает определенный колорит эпохи¹⁰. Данный подход наиболее традиционен в изучении устаревшей лексики (В.В. Виноградов, Ю.Н. Тынянов, Г.А. Мамаев): «В художественной литературе они могут быть привлечены в качестве колористического средства; в этом отношении они равны диалектизмам» [Григорьева 1954: 13].

В свою очередь для стилизации эпохи при описаниях интерьера, портрета и быта часто применяются историзмы и архаизмы¹¹.

4. Писатели и публицисты используют в речи устаревшие слова в качестве пародий. Они употребляются для снижения стиля речи и создания комического эффекта, в целях иронии или сатиры (обычно в фельетонах, памфлетах). Данная функция выделяется всеми исследователями:

«Взгляни, наконец, на свою собственную персону – и там прежде всего встретишь главу, а потом уже не оставит без приметы брюхо и прочие части» (М. Салтыков-Щедрин).

По данным малого академического словаря (Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984) ряд устаревших слов в современной разговорной речи к возвышенной коннотации добавляет ироническую, особенно это относится к глаголам с префиксом *воз-*: *воззреть, возлюбить*,

¹⁰ *«Хитер же ты, брат, – перебил Берестень, ударив его по плечу и продолжая смеяться, – только меня-то напрасно надувать вздумал. Садись с нами, – прибавил он, пригибаясь к столу, – хлеб да соль! На тебе ложку, повечеряем; а коли можно помочь князю, я и без твоих выдумок помогу»* (А.К. Толстой. «Князь Серебряный»).

¹¹ В качестве примера обратимся к отрывку романа М.А. Шолохова. «Тихий Дон»: *«С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своем курене, на отшибе у Дона, бирюком. Гутарили про него по хутору чудное. Ребятишки, пасшие за прогоном телят, рассказывали, будто видели они, как Прокофий вечерами, когда вянут зори, на руках носил жену до Татарского, ажник, кургана. Сажал ее там на макушке кургана, спиной к источенному столетиями ноздреватому камню, садился с ней рядом, и так подолгу глядели они в степь. Глядели до тех пор, пока истухала заря, а потом Прокофий кутал жену в зипун и на руках относил домой. Хутор терялся в догадках, подыскивая объяснение таким диковинным поступкам, бабам за разговорами поискаться некогда было. Разно гутарили и о жене Прокофия: одни утверждали, что красоты она досель невиданной, другие – наоборот. Решилось все после того, как самая отчаянная из баб, жалмерка Мавра, сбегала к Прокофию будто бы за свежей наливкой. Прокофий полез за наливкой в погреб, а за это время Мавра и разглядела, что турчанка попала к Прокофию последняя из никудышних...»*.

возблагодарить, воздаяние, воздыхать, возопить, возроптать, возлежать, возжечь, воззвать, вознамериться.

5. Архаическая лексика рассматривается как характеристика отрицательных явлений через представление их в комическом виде¹².

6. Архаизмы могут применяться в качестве средства поэтизации речи. Благодаря им создается экспрессия лиричности, душевности, мелодичности. Большое количество слов-поэтизмов XX века восходит к традиционно-поэтической лексике. Такая лексика складывается как стилистическая категория на рубеже XVIII-XIX веков и исторически фиксируется за стихотворными жанрами. «Являясь «носителями испытанных эмоций», поэтизмы иногда употребляются в духе традиций XIX века» [Артеменко 1969: 61]. Например, в стихотворениях А.С. Пушкина¹³.

7. Также архаизмы могут выполнять характерологическую функцию. В таком случае устаревшая лексика используется для речевого описания персонажа, особенно человека духовного звания:

*«Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?»*
(А.С. Пушкин)

Архаическая лексика характерна и для современных религиозных текстов:

¹² «Вообще в Таганроге мода бегать с актерами. Многие недосчитываются своих жен и дочерей» (А.П. Чехов).

¹³ «Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса».

«Вопяла кровь Авеля, убитого братом, ведь от нее не было потомства. И вот вместо потомства Каина и Сифа духовно рождается третий род, Авелев. На Кресте Голгофском от руки братьев своих умирает Божественный Авель... Род Каина погиб в воде (потоп), род Сифа погибнет в огне суда, род «Авеля» войдет в обновленный Духом Божий мир, в пакибытие!» (Г. Фаст, Протоирей г. Енисейска «Свет и тени Голгофы»).

8. В речи поэтов XX века можно встретить употребление исследуемых слов без какой-либо стилистической установки. Использование таких лексем определяется версификационными целями. В их стихах встречаются традиционные рифмы-штампы (*очи-ночи*)¹⁴.

Процесс архаизации языка постоянен, он идет на всего его уровнях. Лексический запас же гораздо ярче показывает его через архаизмы. Устаревшая лексика широко применяется во всех функциональных стилях речи, но больше всего в художественном.

Таким образом, в художественном тексте, как отмечают исследователи Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, М.Л. Гаспаров, А.И. Гальперин, Р.С. Гинзбург, М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев, архаизмы выполняют следующие функции: прямая номинативная функция (архаизмы еще не являются устаревшей лексикой); используется как средство, которое вносит в текст или его часть высокий, торжественный оттенок; используются для воссоздания исторического колорита эпохи; употребляются для снижения стиля речи, в целях иронии или сатиры; применяются как характеристика отрицательных явлений через представление их в комическом виде; рассматриваются как средство поэтизации речи; выполняют характерологическую функцию. В речи поэтов XX века можно встретить употребление исследуемых слов без какой-либо стилистической установки.

¹⁴ *«Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи, –
Покая, видно, не нашел в вине».*

(А. Ахматова)

Более подробному анализу посвящена следующая глава бакалаврской работы. Формы архаизмов и их роли в художественном тексте рассмотрены на примере поэзии И. Бродского.

ГЛАВА 2. РОЛЬ АРХАИЗМОВ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

2.1. Особенности творческой биографии И. Бродского

Иосиф Александрович Бродский – русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик, поэт-лауреат США в 1991-1992 годах; в 1987 году получил Нобелевскую премию по литературе; стихи писал в основном на русском языке, эссеистику же на английском. О себе И. Бродский говорил так: «Я – еврей, русский поэт и американский гражданин» [Лосев 2006: 33].

И. Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде в еврейской семье. Отец, капитан 3-ранга ВМФ СССР, А.И. Бродский, был военным фотокорреспондентом. Мать, М.М. Вольперт, работала бухгалтером. «Родители Бродского не принадлежали к интеллигентной элите города, кругу ученых и писателей, но были не чужды культурных интересов: постоянно читали книги, слушали классическую музыку, изредка ходили в театр. <...> Речь их была грамотна, <...> словарь богат» [Лосев 2006: 18]. Словарь поэзии самого И. Бродского состоит из 19 650 отдельных слов¹⁵.

Эстетические взгляды поэта сформировывались в Ленинграде 1940-1950-х годов. Неоклассическая архитектура, весьма пострадавшая во время блокады, безграничные ленинградские окраины, набережные, множество отражений, – темы, которые постоянно присутствуют в его творчестве. Они связаны с впечатлениями детства и юности поэта.

Он много, но сумбурно читал. В основном поэзию, философскую и религиозную литературу, приступил к самостоятельному изучению английского и польского языков. «Бродский не настаивает на общественной полезности или гуманитарной миссии поэзии, но указывает на её другую функцию – спасение душевного здоровья» [Лосев 2006: 10].

¹⁵ «В православном календаре 24 мая празднуются дни святых Кирилла и Мефодия, создателей славянской грамоты, но выросший в ассимилированной еврейской семье поэт узнал об этом, только будучи взрослым, тогда он уже и так давно связал свою судьбу с «милой кириллицей»» [Бродский: электр. источник].

14 февраля 1960 года состоялось первое масштабное выступление на «состязании поэтов» во Дворце культуры им. М. Горького в Ленинграде с участием Г.Я. Горбовского, А.С. Кушнера, В.А. Сосноры. «*«Припадаю к народу, припадаю к великой реке. / Пью великую речь...»* – писал юный Бродский... [Бродский 2011: 69]. Её [речь] он брал из всяких источников, «потому что искусство поэзии требует слов»» [Лосев 2006: 8].

В августе 1961 года в Комарове Е.Б. Рейн знакомит И. Бродского с А.А. Ахматовой. Она оказала огромное влияние на его творчество.

«Бродский сравнительно поздно заинтересовался поэзией. Он начал сочинять лет в семнадцать. Ему было уже за двадцать, когда в его стихах стали проявляться признаки оригинальности, но после этого мастерство он набирал очень быстро» [Лосев 2006: 17]. «Пилигримы», «Памятник Пушкину», «Рождественский романс» – одни из известных ранних стихотворений поэта. Для многих из них характерна ярко выказанная музыкальность¹⁶. «...Он избрал поэзию как способ самоутверждения и одновременно поиска ответов на «проклятые вопросы»» [Лосев 2006: 55]. Первым опубликованным произведением И. Бродского стала «Баллада о маленьком буксире», которую напечатали в сокращенном виде в детском журнале «Костер».

В 1966-1967 годах в советской печати появилось четыре стихотворения поэта, после этого наступил период публичной немоты. «Самое главное в стихах – это композиция. Не сюжет. <...> Надо строить композицию. <...> Нужно привыкнуть картину видеть в целом... Частностей без целого не существует. О частностях нужно думать в последнюю очередь. О рифме – в последнюю, о метафоре – в последнюю. <...> Ведь и сама метафоре – композиция в миниатюре» [Гордин 2000: 137].

¹⁶ Например, в стихотворениях «От окраины к центру» и «Я – сын предместья, сын предместья, сын предместья...» проглядываются ритмические составляющие джазовых импровизаций.

10 мая 1972 года И. Бродский отправился по вызову в ОВИР. Ему поставили ультиматум: незамедлительная эмиграция или «горячие денечки», что в устах КГБ означало допросы, тюрьмы и психбольницы. И. Бродский принимает решение об отъезде. 4 июня 1972 года лишенный советского гражданства поэт вылетел из Ленинграда в Вену, куда отправляли в эмиграцию всех евреев.

И. Бродский соучаствует с У. Оденем в Международном фестивале поэзии в Англии. С его произведениями И. Бродский был знаком еще со времен своей ссылки и называл его, как и А.А. Ахматову, поэтом, который оказал на него решающее «этическое влияние».

В июле 1972 г. И. Бродский переезжает в США и принимает пост «приглашенного поэта» в Мичиганском университете в Энн-Арборе, где преподает до 1980 года. Также он продолжает выступать со своими стихотворениями, лекциями. С момента его приезда на Запад его поэзия на регулярной основе появляется на страницах изданий русской эмиграции.

И. Бродский активно обращается к эссеистике в 1972 году и не оставляет её никогда. Проза И. Бродского сделала его имя широко известным миру за пределами СССР. Американский Национальный совет литературных критиков признал лучшей литературно-критической книгой США сборник «Less Than One» за 1986 год. К этому году И. Бродский обладал полдюжиной званий члена литературных академий и почетного доктора различных университетов, был лауреатом стипендии Мак-Артура 1981 года.

В 1987 году поэт стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, которая была присуждена ему «за всеобъемлющее творчество, проникнутое ясностью мысли и поэтической интенсивностью».

Пониженная эмоциональность, музыкальная и метафизическая усложненность – особенности поэзии «позднего» И. Бродского. «Рассуждая о поэзии, он настаивал на недоговоренности, нейтральности тона, особенно ценил сдержанность в выражении чувств. Все это опровергалось его

собственными стихами. В то время, когда русский стих тяготел к малой форме, к поэтике намека и недосказанности, его стихотворения длинны, порой длиннее поэм у иных авторов. Иногда кажется, что он не в силах остановиться, пока не выговорит до конца названия всех вещей, попавших в поле поэтического зрения и слуха» [Лосев 2006: 8]. Также Л.В. Лосев подчеркивает, что стихотворения И. Бродского традиционны. Это подтверждается открытыми и скрытыми цитатами, отсылками на разные тексты¹⁷.

Авторством двух опубликованных пьес является И. Бродский: «Мрамор» и «Демократия». Также поэт занимался переводами пьес¹⁸.

Библиотека Конгресса на 1991-1992 годы избирает И. Бродского Поэтом-лауреатом США. В этом почетном, но традиционно-номинальном качестве он развернул активную деятельность по распространению поэзии. «...Искусство делает человека личностью, стало быть, эстетика выше этики; высшей формой эстетической практики является поэзия, стало быть, поэтическое творчество есть окончательная цель человечества как вида» [Лосев 2006: 31].

Перестройка в СССР и присуждение И. Бродскому Нобелевской премии, совпавшие по времени, прорвали плотину молчания на родине. После этого публикации стихотворений и эссе автора хлынули потоком.

В 1995 году И. Бродскому присвоено звание почетного гражданина Санкт-Петербурга.

27 января 1996 года поэт готовился ехать из Нью-Йорка в Саут-Хэдли. Однако в эту ночь И. Бродский умер от остановки сердца в своем кабинете. 2 февраля состоялось временное захоронение в склепе на кладбище при

¹⁷ «Впрочем, не все архаизмы у Бродского цитатны или пародийны. Мне не раз приходилось слышать удивленные или неодобрительные замечания по поводу того, что его поэзия несовременна. В дни суда над Бродским один советский поэт, недурной человек, с удивлением сказал мне: «Дали прочитать его стихи, они какие-то... архаичные» [Лосев 2006: 9].

¹⁸ Его перу принадлежат переводы пьес англичанина Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и ирландца Б. Биэна «Говоря о веревке». И. Бродский оставил существенное наследие переводов мировой поэзии на русский язык.

храме Св. Троицы. 21 июня 1997 года тело И. Бродского перезахоронили тела на кладбище Сан-Микеле в Венеции.

По словам А.М. Ранчина, профессора кафедры истории русской литературы МГУ, «Бродский – единственный современный русский поэт, уже удостоенный почетного титула классика» [Ранчин: электр. источник].

2.2. Устаревшая лексика в произведениях поэта

2.2.1. Историзмы в произведениях поэта

Для полной картины мира И. Бродского необходимо уделить внимание историзмам. Историзмы – слова, которые обозначают предметы, явления, понятия прежних эпох. Чаще всего историзмами обозначаются явления старинной культурно-бытовой и общественно-политической жизни. Историзмы бывают разного возраста и употребительности [Самотик 2012: 153]. В применении слов данной группы в поэтическом тексте И. Бродский показал «непохожесть» и своеобразие, которые выделяли его из плеяды поэтов XX века.

Историзмы, которыми пользуется автор в своих произведениях, можно условно разделить на несколько тематических групп. Самой многочисленной является группа, которая обозначает людей по их происхождению, роду деятельности. Можно отметить следующие лексемы: с корнями «-цар-» (41 употребление), «-корол-» (21 употребление), «-импер-» (15 употреблений) и «-раб-» (11 употреблений), «принц» (7), «вождь» (6), «рыцарь» (6), «граф» (5), «князь» (4), «дворяне» (3), «наместник» (3), «сагиб» (1), «барчук» (1), «раб» (11), «слуга» (7), «крестьянин» (2), «лакей» (1), «гонец» (2), «балагол» (1), «селянин» (1). Например:

То есть, все основания быть спокойным.

Никто уже не кричит «По коням!»

Дворяне выведены под корень.

Ни тебе Пугача, ни Стеньки

«Речь о пролитом молоке» [Бродский 2011: 13];

*...дождаться Первой Мировой
и пасть в Галиции – за Веру,
Царя, Отечество...*

«Литовский дивертисмент» [Бродский 2011: 118];

*...Слуги безучастно
глядят перед собой, как изваянья*

«Post aetatem nostram» [Бродский 2011: 100].

В первом примере поэт прибегает к слову «дворяне» для того, чтобы показать ушедшую в прошлое эпоху монархии. В остальных двух примерах Иосиф Бродский использует историзмы в их основной функции – создание колорита прошлого.

Обратимся к следующей группе, которая называет жилища и жилищные помещения – это «дворец» (12 употреблений), «изба» (7), «терем» (3), «подклеть» (2), «клозет» (1), «вотчина» (1):

*Скрепя
сердце, с хриплым «пора!»
отрывая себя от родных заболоченных вотчин,
что скрывать – от тебя!*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 69];

*Дворцы промерзли,
и ждет весны в ночи их колоннада,
как ждут весны плоты на Ладоге буксира*

«С февраля по апрель» [Бродский 2011: 80].

В данных примерах историзмы выполняют номинативную функцию. Стихотворение «С февраля по апрель» построено на олицетворениях.

Также Иосиф Бродский использует историзмы, которые обозначают одежду людей, воинов – «щит» (6 употреблений), «кольчуга» (2), «кафтан» (1), «латы» (1), «шальвары» (1), «епанча» (1), «камзол» (1). Например:

*В ветреной части мира я отыскал приют.
Для нее я – присохший ком, но она мне – щит*

«Прилив» [Бродский 2009: 149];

*Теперь, не замочив кафтана,
канаю мимо.
Моя подружка Микелина
в порядке штрафа
мне предпочла кормить павлина
в имени графа*

«Пьяцца Маттеи» [Бродский 2009: 103];

*В епанче белый глубокий вырез
как волновал!*

«Венецианские строфы (1)» [Бродский 2009: 117].

В первом примере Бродский использует прием сравнения и противопоставления, что служит созданием высокой экспрессии. Второй пример представляет собой иронию. В третьем примере лексема «епанча» использована в номинативной функции.

В произведениях автора XX века можно отметить группу историзмов, называющих реалии советской действительности. Например, «беспартийный» (3), «непартийный» (1), «КГБ» (2), «ликбез» (1), «генсек» (1), «местком» (1). Однако нужно помнить, что для самого Иосифа Бродского данные слова еще не были историзмами. Необходимо вспомнить, что советская власть судила поэта за тунеядство, а затем выслала его из страны. Автор употребляет данные слова в целях сатиры, характеризует отрицательные явления через представления их в комическом виде:

*Я беснуюсь, как мышь в пустоте сусека!
Выносите святых и портрет Генсека!*

«Речь о пролитом молоке» [Бродский 2011: 22];

*Телефон молчит, впереди диета.
Можно в месткоме занять, но это
– все равно, что занять у бабы.
Потерять независимость много хуже,
чем потерять невинность*

«Речь о пролитом молоке» [Бродский 2011: 11].

Далее обратимся к группе историзмов, которая обозначает предметы быта и королевских особ. Сюда относится «брегет» (1 употребление), «корона» (1), «коромысло» (1), «прялка» (1):

*Зло существует, чтоб с ним бороться,
а не взвешивать в коромысле*

«Речь о пролитом молоке» [Бродский 2011: 23];

*То Персефона поет над прялкой
песню о верности вечной мужу*

«Памяти Т.Б.» [Бродский 2011: 35].

В первом примере отмечается ирония, тогда как во втором историзм служит для исторической стилизации. Персефона – богиня из древнегреческой мифологии. Поэт использует историзм, что органично вписывается в направленность стихотворения.

Рассмотрим следующую группу историзмов, которая называет музыкальные инструменты – это «патефон» (4 употребления) и «граммофон» (2):

*Купи на эти деньги патефон
и где-нибудь на свете потанцуй
(в затылке нарастает перезвон),
Ах, ручку патефона поцелуй*

«Шествие» [Бродский 2013: 55].

Данные примеры использованы в поэме-мистерии. И. Бродский дает комментарий к ней и пишет: «Формулировки облечены в форму романсов. <...> Романсы рассчитаны на произнесение – и на произнесение с максимальной экспрессией» [Бродский 2013: 35]. Мы знаем, что романс – старинный жанр, чья история уходит в эпоху Средневековья. Поэтому можно сказать, что лексемы «патефон» здесь использованы для исторической стилизации и для создания экспрессии.

Поэт использует историзмы, обозначающие деньги – это «ассигнация» (2 употребления), «грош» (2), «гривна» (1):

...утро в июле мусолит пальцем

пачки жасминовых ассигнаций...

«Эклога 5-я (летняя)» [Бродский 2009: 141];

*Шумят пачки новеньких ассигнаций,
словно вершины берез, акаций*

«Речь о политом молоке» [Бродский 2011: 13].

Эти два случая демонстрируют метафорическое употребление историзмов. Это достигается на ассоциативном уроке, вызывая образы цветков жасмина и деревьев берез и акаций. Данные метафоры призваны создать более выразительный образ и поэтизировать речь.

Также Бродский использует историзмы, которые невозможно объединить в одну группу. Это такие слова, как «кириллица» (7 употреблений), «миноносец» (1), «оброк» (1). Обратимся к конкретным примерам:

...судьбу благодарит кириллицыным знаком.

На то она судьба, чтоб понимать на всяком

Наречьи

«Пятая годовщина (4 июня 1977)» [Бродский 2009: 81];

Ты сам себе теперь дымящий миноносец

и синий горизонт, и в бурях есть покой

«Чем больше черных глаз, тем больше переносиц...» [Бродский 2009: 206];

Воздух обложен комнатой, как оброком

«Римские элегии» [Бродский 2009: 130].

В первом примере речь идет о буквах и речи. Несомненно, И. Бродский очень любил свой язык и знал его историю. Данное слово он использует для поэтизации речи. Во втором и третьем примерах автор снова обращается к исторической метафоре.

Как мы могли убедиться, в поэтических текстах И. Бродский нередко обращается к историзмам, используя их в качестве различных функций. Преобладающими являются номинативная функция, создание иронии и исторической стилизацией. Самыми интересными нам представляются

применение историзмов в целях сатиры, как характеристика отрицательных явлений через представление их в комическом виде и исторической метафоры.

2.2.2. Типы архаизмов в поэтическом тексте

2.2.2.1. Собственно-лексические архаизмы

Собственно-лексические архаизмы в поэзии И. Бродского представляют собой самую многочисленную подгруппу лексических архаизмов. Не вызывает сомнений тот факт, что лексемы данной подгруппы традиционны для поэзии вообще. И. Бродский не являлся единственным из поэтов, обращавшимся к этим крайне выразительным лексическим ресурсам. Рассмотрим эту группу слов с тематической точки зрения.

Группа слов, называющие части лица и тела человека.

Самыми употребительными являются слова, обозначающие части человеческого лица и тела. Здесь поэт в большей степени отдает дань традиции. Необходимо обратить внимание на таблицу [Дворникова 1977: 153] употребленности и распределенности (количество авторов, применяющих то или иное слово традиционно-поэтической лексики) данных слов, которую составили в 1971 году по материалам журналов:

Слова	Ус-та	Очи	Лик	Че-ло	Перст	Мало-упо-тре-битель-ные слова	Гла-ва	Го-тань	Длань	Дес-ница	Выя	Пер-си	Зрак
Кол-во употреблений	36	32	19	16	10		2	1	4	1	1	1	0
Распределение	13	17	11	5	8		1	1	1	1	1	1	0

Так, наиболее частотными оказываются слова «лик», «уста», «очи», «чело», «перст». Все перечисленные лексемы И. Бродский использует в своих поэтических произведениях. В качестве сравнения мы приведем таблицу, в которой увидим, какие слова этой подгруппы и как часто привлекаются поэтом.

Слова	Уста	Очи	Око	Лик	Чело	Перст	Глава	Выя	Стан	Патлы	Чрево
Кол-во употреблений	34	3	7	13	4	3	2	1	1	1	2

И. Бродский использует лексемы, не отмеченные в таблице Е.А. Дворниковой.

По количеству употребления в группе представленных слов доминирует лексема «уста». Подобное положение частично можно объяснить существованием логической связи между словами «уста» и «слово».

Также интересно наблюдение С.С. Наровчатова касательно пары «уста – губы»: «...уста целовали и лобзали, они молились и смеялись, были открытыми и сомкнутыми, но лихорадка выступала только на губах» [Мансветова 1990: 65].

Проиллюстрируем вышеизложенное конкретными примерами:

*Восвояси! В тот край,
где бездумный Борей попирает беспечно трофеи
уст*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 72];

*Так рвутся, трепеща, шелка,
обнажая места.
то промелькнет щека,
то полыхнут уста*

«Горение» [Бродский 2009: 165];

*Эй, Горчаков!.. Да нет, уже отбой.
Да так ли это, впрочем, бестолково,
когда одни уста наперебой
поют двоих в отсутствие алькова?*

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 266].

Архаическая лексика (пример 1) наблюдается во всем стихотворении. Название «Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» говорит само за себя. Ноктюрн – это жанр (сугубо романтическое явление), который сложился еще в Средневековье. Поэтому здесь «уста» служат для создания высокой экспрессии.

Стихотворение «Горение» (пример 2) посвящено М.Б. – Марине Басмановой, первой любви И. Бродского. «Стихи, посвященные «М.Б.», занимают центральное место в лирике Бродского не потому, что они лучшие – среди них есть шедевры и есть стихотворения проходные, – а потому, что эти стихи и вложенный в них духовный опыт были тем горнилом, в котором выплавилась его поэтическая личность» [Лосев 2006: 73].

В третьем примере наблюдается ирония.

Если также рассмотреть примеры с общеупотребительной лексикой «губы», то мы убедимся в правдивости слов С.С. Наровчатова:

*...Вернее, пишу, что слезы
льются, что губы дрожат, что розы
вянут, что запах лекарств и дерна
резок*

«Памяти Т.Б.» [Бродский 2011: 34];

*Он вспомнил гвоздь и струйку штукатурки,
и почему-то вдруг с набрякиших губ
слетела ругань*

«Дебют» [Бродский 2011: 115];

*Взбаламутивший море
ветер рвется как ругань с расквашенных губ
в глубь холодной державы...*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 61];

*Как менада пляши
с закушенной губой*

«Горение» [Бродский 2009: 165].

По исследованиям лингвистов, слова анализируемой категории в поэзии часто используется в метафорических контекстах. И. Бродский не был исключением из этого правила:

*Современный фонарь смотрит мертвенным оком,
предо мною горят
ослепительно тысячи окон*

«От окраины к центру» [Бродский 2013: 132];

*В грамматику без
препинания. В рай
алфавита, трахеи.
В твой безликий ликбез*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 72];

*То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом,
то ли дернут отсюда по морю новым Христом*

«Конец прекрасной эпохи» [Бродский 2011: 70];

*Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора
да зеленого лавра*

«Конец прекрасной эпохи» [Бродский 2011: 71];

*...Поворачивая корону,
медный кран, словно цезарево чело,
низвергает на них не щадящую ничего
водяную колонну*

«Колыбельная Трескового Мыса» [Бродский 2013: 366];

*А так он – место грусти, выи,
склоненной в баре,
и двери, запертой на виа
дельи Фунари*

«Пьяцца Маттеи» [Бродский 2009: 104];

*Снег, белей покрывал, которыми стан твой кутал,
рушится вниз, меня здесь одного скрывая*

«Прощальная ода» [Бродский 2013: 168];

«Таким я вышел, видимо, из чрева»

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 291].

Функции лексем выделенной группы отмечаются следующие: данные слова, являясь намного выразительнее своих нейтральных вариантов, реализовывают, в основном, функцию поэтизации речи и создания высокой экспрессии.

Группа слов, называющих человека по какому-либо признаку.

В этой подгруппе выделим четыре лексемы: «жено», «тать», «брадобрей» и «лиходей». Зафиксировано 1 употребление каждой из данных лексем.

Он говорит в ответ:

– Мертвый или живой,

разницы, жено, нет.

Сын или Бог, я твой

«Натюрморт» [Бродский 2011: 131];

Держи-лови, вперед, назад,

подонок, ..., тать!

Отсюда взять, оттуда взять,

кому потом продать

«Шествие» [Бродский 2013: 63];

Покинутый мальчишкой брадобрей

глядится молча в зеркало – должно быть,

грустя о нем и начисто забыв

намыленную голову клиента

«Post aetatem nostram» [Бродский 2011: 101];

Но ежели вы чуть-чуть

мизантроп, лиходей,

то вам, подтянув кушак,

приятно, подставив ей,

этой свободе, грудь,

сделать к ней лишний шаг

«Моллюск» [Бродский 2013: 434].

И. Бродский привлекает вышеуказанные устаревшие слова или в качестве средства стилизации, или для создания высокой экспрессии.

Группа традиционных поэтизмов.

Эту подгруппу представляет ряд весьма известных, традиционных и характерных для поэтического словарного запаса лексем, таких, как «услада» (1 употребление), «лихва» (2), «назиданье» (1), «сторица» (1), «укоризна» (2)

и «хула» (1). Функция перечисленных слов также является традиционной: они должны придавать речи большую выразительность и поэтизировать её.

*Но супруги – единственный тип владельцев
того, что они создают в усладе*

«Речь о пролитом молоке» [Бродский 2011: 16];

*...«Предайся укоризне:
отныне вам разлука суждена.
Отпустим. Не вздыхай об этом слизне»*

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 286];

*...хвала тебе, госбезопасность,
людскому разуму хула*

«Петербургский роман» [Бродский 2013: 17];

*Сего податель,
векам грядущим в назиданье
пьет шоколатта
кон панна в центре мирозданья
и циферблата!*

«Пьяцца Маттеи» [Бродский 2009: 107].

Язык И. Бродского характеризуется полистилистичностью. В нем сочетаются низкий и высокий стили, которые на первый взгляд кажутся несовместимыми. В произведениях нередко появляется ироническое звучание.

Группа лексем, которые обозначают эмоциональное или физическое человеческое состояние.

В названную подгруппу можно отнести такие слова, как «упованье» (1 употребление) и «бдение» (1).

*Вряд ли ты знала тогда об этом,
лодка не может и быть предметом
бденья души, у которой сразу
масса забот, неотступных глазу...*

«Памяти Т.Б.» [Бродский 2011: 28];

*...заодно могли уповать
на Бережливость, на Долг и Честь*

«Письмо в бутылке» [Бродский 2013: 182].

В функциональной общности указанных слов можно отметить, что они усиливают смысловые характеристики обозначаемого, тем самым служат созданию высокой экспрессии и также поэтизации речи. Лексема «бдение», на наш взгляд, имеет сакральную окраску (ср. всенощное бдение).

Группа слов, символически называющих область, землю, данную судьбой.

Мы отнесем сюда лексемы «юдоль» (2 употребления), «эмпирей» (3) и «обитель» (2), которые имеют, по всей вероятности, сакральную семантику. Поэтому они являются стилистически окрашенными (особенно это проявляется в первом случае).

*Странно теперь, когда ты в юдоли
лучшей, чем наша, нам плакать*

«Памяти Т.Б.» [Бродский 2011: 33];

*Увы, с собой их
узор насиженный ты взять не в силах,
чтоб ошарашить серафимов хилых
там, в эмпиреях, где царит молитва...*

«Муха» [Бродский 2009: 191];

*Над жнивьем Жемайтии
вьется снег, как небесных обителей прах*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 61].

Лексемы, передающие процесс «говорения».

Указанная группа представлена словами «глаголить» (1 употребление), «глаголющий» (2), «молвить» (23), «витийствовать» (2). Служит для создания возвышенности и торжественности.

И уже седина стыдно молвить где...

«То не музы воды набирает в рот...» [Бродский 2009: 166];

Те самые уста!

*глаголющие сладко и бессвязно
в подкладке тоги*

«Бюст Тиберия» [Бродский 2009: 152];

«О как из существительных глаголет!»

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 289];

И, кажется, уже

Не помню толком,

О чем с тобой

Витийствовал – верней, с одной из кукол,

Пересекающих полночный купол

«Разговор с небожителем» [Бродский 2013: 327].

Лексемы, называющие восприятие явлений окружающего мира.

В данной подгруппе можно объединить такие слова, как «взирать» (6 употреблений), «взорлить» (1), «внимать» (7), «ведать» (13), «узреть» (10), «велить» (3).

«Увы, до столь пронзительных высот

мешает мне взорлить происхождение»

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 278];

Так что мне не взирать, как в подобны лица,

на похожие кресла с тоской Улисса

«Прощайте, мадемуазель Вероника» [Бродский 2013: 237];

Я внимал бы ровному голосу, повествующему о вещах,

не имеющих отношения к ужину при свечах...

«Развивая Платона» [Бродский 2009: 9];

Бог ведает

«Пенье без музыки» [Бродский 2011: 93];

Взглянувши сюда

обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе,

как лежит человек вниз лицом...

«Конец прекрасной эпохи» [Бродский 2011: 70];

*Но серебристый голос козодоя
велит ему вернуться*

«Post aetatem nostram» [Бродский 2011: 110].

Приведенные слова являются наиболее выразительными, чем их общеупотребительные синонимы, что усиливает сопричастность человека миру.

Группа лексем, которые называют какое-либо действие.

Здесь отметим лексемы «ворожить» (1 употребление), «вчинять» (1), «зыбиться» (1), «почить» (1), «прядать» (1), «ликовать» (2), «пестовать» (1).

*То ли некая добрая фея
надо мной ворожит, но отсюда бежать не могу*

«Конец прекрасной эпохи» [Бродский 2011: 70];

*И вот я грустный вчиняю иск
тебе, преподобный отец Франциск...*

«Письмо в бутылке» [Бродский 2013: 180];

Зыблется свет неверный

«Прощальная ода» [Бродский 2013: 174];

*Отломленные ветви мертвым сном
почили здесь – в песке нагретом, светлом*

«Исаак и Авраам» [Бродский 2013: 174];

*Так рушатся корпуса,
так из развалин икр
прядают, небеса
вызвездив, сонмы искр*

«Горение» [Бродский 2009: 165];

*...На скатертях
лежат отбросы уличного света,
и отголоски ликованья мирно
шевелият шторы*

«Post aetatem nostram» [Бродский 2011: 99];

Словно ангел – крылом – Ты и безумье – слито,

Будто в пальцах своих легкий снежок пестую

«Прощальная ода» [Бродский 2013: 174].

Использование перечисленных лексем обуславливается своеобразным мировидением И. Бродского. Здесь они служат для создания высокой экспрессии.

Группа лексем, объединяющая архаичные формы наречий.

Эту группу представляет следующий ряд слов: «доселе» (1 употребление), «одесную» (1), «ошую» (1), «сиречь» (1), «понеже» (1), «поелику» (2), «паче» (8), «паки» (2).

*Драконоборческий Егорий,
копье в горниле аллегорий
утратив, сохранил досель
коня и меч...*

«Литовский дивертисмент» [Бродский 2011: 120];

*Это ты, горяча,
ошую, одесную
раковину ушную
мне творила, шепча*

«Я был только тем, чего...» [Бродский 2009: 167];

*Мной овладело
оцепенение – сиречь, твой вирус*

«Муха» [Бродский 2009: 188];

*Лучшая судьба –
быть непричастным к истине. Понеже
она не возвышает. Никого.
Тем паче цезарей*

«Бюст Тиберия» [Бродский 2009: 153];

*Не стану ждать
твоих ответов, Ангел, поелику
столь плохо представляемому лику...*

«Разговор с небожителем» [Бродский 2013: 322];

...«Паки
и паки, я гляжу, тебе невмочь,
что я женат»

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 295].

Они служат для придания речи возвышенности звучания.

Группа лексем, объединяющая архаичные формы местоимений.

Эту группу представляют формы указательных местоимений «сей» (25 употребления), «оный» (4).

Дыра в сей ткани

«Большая элегия Джону Донну» [Бродский 2013: 141];

Если б Дарвин туда нырнул, мы б не знали «закона джунглей»
либо – внесли бы в оный свои поправки

«Новый Жюль Верн» [Бродский 2009: 48].

В данных случаях архаизмы используются для придания тексту высокой окраски.

Группа лексем, объединяющая архаичные формы союзов.

Данный ряд слов представляет формы союзов «ибо» (64 употребления) и «дабы» (8). Они употребляются для поэтизации речи.

...Ибо у вас в руках
то же перо, что и прежде

«Колыбельная Трескового Мыса» [Бродский 2013: 363];

Ограниченный бровью,
взгляд на холодный предмет, на кусок металла,
лютей самого металла – дабы
не пришлось его с кровью
отдирать от предмета

«Эклога 4-я (зимняя)» [Бродский 2009: 133].

Группа слов, связанных с церковными реалиями.

В эту группу слов входят такие слова, как «агнец» (2 употребления), «жертвенник» (1), «святцы» (2), «святотатцы» (1), «страстотерпец» (1), «парадиз» (1), «скит» (2).

Он поднял взгляд во тьму: «А где же агнец?»

«Исаак и Авраам» [Бродский 2013: 151];

*«Там жертвенник давнишний. Сложен он
давным-давно... Не помню кем, однако»*

«Исаак и Авраам» [Бродский 2013: 151];

*...помни, в Две Тысячи Первом лете,
с риском быть вписанным в святотатцы,
стану просить, чтоб расширить святцы*

«Памяти Т.Б.» [Бродский 2011: 36];

*Враги поймут, глупцы простят,
а кто заучит роль,
тот страстотерпец, тот солдат,
солдат, мертвец, король*

«Шествие» [Бродский 2013: 59];

*Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов...*

«От окраины к центру» [Бродский 2013: 131];

Там не терем стоит, а сосновый скит

«Песня» [Бродский 2011: 39].

Примеры 1 и 2 взяты из большого стихотворения Бродского. Само название произведения говорит нам о том, что речь идет о библейских реалиях. В примере 4 наблюдается смешение архаического «парадиз» и общеупотребительного «рай». И. Бродский часто употребляет в одном стихотворении разные пласты лексики. Данную группу слов автор использует для поэтизации речи.

Группа слов, обозначающих природу.

В названную группу войдут такие лексемы, как «понт» (1 употребление), «аквилон» (1), «лукоморье» (1). Рассмотрим на конкретных примерах.

*Второе Рождество на берегу
незамерзающего Понта*

«Второе Рождество на берегу...» [Бродский 2011: 9];

*И ночной аквилон, рыхлой мышцы ища волокно,
как возможную жизнь, тербит взбаламученный гарус...*

«Bagatelle» [Бродский 2009: 19];

Оцепеневший дуб кивает лукоморью

«Пятая годовщина (4 июня 1977)» [Бродский 2009: 78].

Все приведенных выше примеры служат для поэтизации речи.

Группа слов, которые объединяют предметы быта.

Здесь выделим такие слова, как «гребень» (4 употребления) и «ложе» (1). Данные слова позволяют И. Бродскому достичь поэтизации речи и почти зримой осязаемости образов.

*Так подбирает гребни, выпавшие из женских
взбитых причесок, для дочерей Нерей...*

«Венецианский строфы» [Бродский 2009: 118];

*Весь хворост был туда давно снесен,
И Исаака он на это ложе
Сложил сейчас – и все проникло в сон,
Но как же мало было с явью схоже*

«Исаак и Авраам» [Бродский 2013: 153].

Лексемы, обозначающие музыкальные инструменты.

В данной группе выделим такие лексемы, как «лира» (3 употребления) и «фистула» (1).

*Хоть лирой привлекательно звеня,
настойчиво и несколько цветисто,
ты заставляешь говорить меня,
чтоб избежать прозванья моралиста*

«Феликс» [Бродский 2013: 215];

Не купишь на басах, не сорвись на глухой фистуле

«Время года – зима. На границах спокойствие. Сны...»
[Бродский 2011: 116].

Выделенные слова в примерах употреблены для поэтизации речи.

Также имеет смысл назвать несколько слов, которые трудно отнести в какую-либо из перечисленных групп: существительные «дряг» (1 употребление), «мзда» (1), «большак» (1), «тщета» (1), «сонм» (9), «треух» (2), «щедота» (1), «кривда» (1), «погост» (1), «светило» (10), прилагательное «вящий» (2).

*В этих широтах цвета дурных дрожжей,
карту избавив от пограничных дряг,
точно скатерть, составленная из толчеи ножей,
расстиляется, издавай лязг*

«Прилив» [Бродский 2009: 149];

За такие открытия не требуют мзды...

«Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве» [Бродский 2009: 181];

*Сторожит у ручья скирда ничья,
и большак развезло, хоть бери весло*

«Песня» [Бродский 2011: 39];

*Воздух, в сущности, есть плато,
пат, вечный шах, тщета,
ничья, классическое ничто,
гегелевская мечта*

«Полдень в комнате» [Бродский 2009: 24];

*Оттолкнув абажур,
глядя прямо перед собою,
видишь воздух:
анфас
сонмы тех,
кто губою
наследил в нем
до нас*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 71];

Населенье сдается, не сняв треуха

«Эклога 4-я (зимняя)» [Бродский 2009: 135];

*Из всех щедрот, что выделила бездна,
лишь зренье тебе служит безвозмездно*

«С февраля по апрель» [Бродский 2011: 81];

*Им присуща, как аист
свертку, приторность кривд*

«Строфы» [Бродский 2009: 40];

*Звонки, гудки, свистки, дела,
в конце всего – погост,
и смерть пришла, и жизнь прошла
как будто псу под хвост*

«Шествие» [Бродский 2013: 63];

*...Луч
светила, вставшего из моря,
скорей пронзителен, чем жгуч*

«С видом на море» [Бродский 2011: 65].

Приведенным лексемам присущи функции поэтизации речи и создания высокой экспрессии.

В такой степени частое обращение к группе собственно-лексических архаизмов позволяет утверждать: они понимаются И. Бродским одним из ключевых средств создания более выразительных индивидуальных поэтических образов. Кроме прочего, как мы отмечали в начале, поэт отдает дань и поэтической традиции.

2.2.2.2. Лексико-фонетические архаизмы

К данной подгруппе лексических архаизмов имеют отношение лексемы, в которых изменилось и устарело фонетическое оформление.

Неполногласные слова.

Они занимают главное место, являясь представителями генетических славянизмов. Нужно сказать, что только вышедшие из активного

словоупотребления неполногласия служат стилеобразующими средствами, поскольку они имеют активные функционирующие полногласные варианты.

Не вызывает сомнения, что устаревшая лексика осмысливается И. Бродским одним из средств стилистической выразительности. Это положение можно подтвердить крайне частым использованием рассматриваемых слов, в частности, лексико-фонетических архаизмов.

С функциональной стороны весьма ярким и показательным является применение лексем с устаревшим фонетическим оформлением для поэтизации речи и придания ей высокой экспрессии. Это можно увидеть на конкретных примерах.

1. Предлог «пред».

В лирике И. Бродского мы находим большое количество неполногласных вариантов предлога «пред-предо» (31 употребление). Архаическая форма совмещает стилистическую и версификационную функции. Первая содержится в том, что неполногласный вариант, который является атрибутом высокого слога, служит для придания речи большей выразительности.

*Я уезжаю, уезжаю,
опять мы дурно говорим,
опять упасть себе мешаю
пред чешским именем твоим...*

«Петербургский роман» [Бродский 2013: 13];

*Пред ним торцы, вода и бревна,
фасадов трещины пред ним,
он ускоряет шаг неровный,
ничем как будто не гоним*

«Петербургский роман» [Бродский 2013: 31];

*Он пред врагами честь свою
и шпагу не сложил...*

«Шествие» [Бродский 2013: 59].

2. Слова с корнем -злат- (5 употреблений).

*Взошла луна, и каждый новый шаг
сверкает, как серебро в песчаном злате*

«Исаак и Авраам» [Бродский 2013: 148];

*И макает в горло дракона златой Егорий,
как в чернила, копье*

«Венецианский строфы 2» [Бродский 2009: 120];

*...паутиной окованные углы
придают сходство комнате с чемоданом.
Дальше ехать некуда. Дальше не
отличить златоуста от златоротца*

«Точка всегда обозримей в конце прямой...» [Бродский 2009: 177].

Комментируя первый пример, целесообразно отметить, что соединение «золото-серебро» является привычным атрибутом произведений фольклора и органично смотрится в стихотворении, в целом имеющего ярко выраженную фольклорную направленность. «Серебро» поэт тоже заменяет на неполногласную форму «серебро», что органично входит в ткань стихотворения, добавляя ему возвышенности.

Стихотворение «Венецианские строфы (2)» (пример 2) посвящено Г. Шмакову. Поэтому употребление архаичной лексики в данном предложении свидетельствует об уважении к этому человеку. Кроме этого И. Бродский очень любил этот город в Италии.

Пример 3 весьма интересен. «Златоуст» – все слово архаично, а «златоротец» – архаичная лексика совмещена с общеупотребительной. Автор противопоставляет высшему обыденное.

3. Слова с корнем -древ- (4 употребления).

По наблюдениям исследователей, слова с данным корнем свободно применяются в стихотворениях поэтов прошлого века с различными целями. И. Бродский не является в этом плане исключением. Обратимся к следующим примерам:

«А древу грандиознее дупла»

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 276];

*«Еврей снял это яблоко со древа
познания». «Ты, братец, дуралей.
Сняла-то Ева». «Видно, он и Ева»*

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 291];

*Не по древу умом растекаться пристало пока,
но плевком по стене...*

«Конец прекрасной эпохи» [Бродский 2011: 71].

В первом примере И. Бродский воссоздает разговор Горбунова и Горчакова, значительных людей нашей истории. Если проанализировать все стихотворение, то можно увидеть не мало просторечных и даже жаргонных слов. Также нужно учитывать и тему стихотворения. Из этого следует такой вывод: архаичная лексика в данном стихотворении используется для создания иронии. А второй пример из этого же стихотворения, где главные герои затрагивают библейскую тему. «Древо познания» – устоявшееся словосочетание по отношению к религии.

4. Лексемы с корнем -сред- (10 употреблений).

Кроме выполнения версификационной функции, эти слова несут стилистическую нагрузку, что прослеживается в контексте: данные неполногласные корни постоянно определяют сердцевину чего-то замкнутого, закрытого.

*...а Петербург средины века,
адмиралтейскому кусту
послав привет, с Дзержинской съехал
почти к Литейному мосту...*

«Петербургский роман» [Бродский 2013: 16];

*Стало быть, в чащу, в лес. В сумрачный лес средины
жизни – в зимнюю ночь, дантову шагу вторя*

«Прощальная ода» [Бродский 2013: 169].

5. Слова с корнем -град- (12 употребления).

*Холод ценит пространство. Не обнажая сабли,
он берет урочища, веси, грады*

«Эклога 4-я (зимняя)» [Бродский 2013: 392].

Пример демонстрирует употребление неполногласного слова для придания тексту колорита эпохи.

6. Слова с корнем -брег- (7 употреблений).

*Прошу отнести их к брегу,
вверить их небесам...*

«Холмы» [Бродский 2013: 129];

*Совсем собор... Лишь пол – воды черней.
Зато брега светлы, но ярче – правый...*

«Пришла зима, и все, кто мог лететь...» [Бродский 2013: 197].

Слово «брег», являясь традиционным для стихотворений с темой природы, служит для поэтизации речи.

7. Лексемы с корнем -глас- (14 употреблений).

*...гласит о двадцати восьми
возможностях – и каплей влаги
зрачок вооружишь, возьми
перо и чистый лист бумаги...*

«Пенье без музыки» [Бродский 2011: 88];

*Дорога в тысячу ли начинается с одного
шага, - гласит пословица*

«Письма династии Минь» [Бродский 2009: 99].

И. Бродский в стихотворении «Пенье без музыки» (пример 1) демонстрирует возвышенную лексику, поэтому архаизмы гармонично входят в ткань произведения.

Пример 2 демонстрирует своего рода народнопоэтическую, фольклорную стилизацию.

8. Слова с корнем -глав- (11 употреблений).

*Не ты ль поник во тьме седой главой
и плачешь там? – Но тишь летит навстречу*
«Большая элегия Джону Донну» [Бродский 2013: 139];

*Родиться бы сто лет назад
и, сохнущей поверх перины,
глазеть в окно и видеть сад,
кресты двуглавой Катарины*
«Литовский дивертисмент» [Бродский 2011: 118].

В «Большой элегии Джону Донну» (пример 1) употребление архаической формы объясняется обращением к английскому поэту. Во втором примере – обращением к старине.

9. Слова с корнем -страж- (7 употребления).

*Вспоминаю выпитые бутылки,
вологодскую стражу, Кресты, Бутырки*
«Речь о пролитом молоке» [Бродский 2011: 21];

*...представить все пространство: наш
мир все же ограничен, властью
Творца, пусть не наличьем страж
заоблачных, так чьей-то страстью...*
«Пенье без музыки» [Бродский 2011: 89].

В первом примере архаичное слово «стража» употреблено для создания иронии, а во втором примере, напротив, для создания большей выразительности.

10. Слова с корнем -сребр- (2 употребления).

*...пусть время взяток не берет –
Пространство, друг, сребролюбиво!*
«С видом на море» [Бродский 2011: 67].

Употребление данной формы слова вместо полногласного «серебро» служит для поэтизации речи.

11. Иные неполногласные слова, встречающиеся единично.

*...почувствуем ли спрятанный в них клад,
присущий только подлинности хлад...*

«Зофья» [Бродский 2013: 114];

*Но это – подтверждение и знак,
что в нищете
влачащий дни не устрашится кражи,
что я кладу на мысль о камуфляже*

«Разговор с небожителем» [Бродский 2013: 322];

*Лишь хрусталик тускнеет, да млечный цвет
тела с россыпью родинок застит платье*

«Полонез: вариация» [Бродский 2009: 115];

*Еще обладатель брады густой,
Ваше сиятельство, граф Толстой...*

«Письмо в бутылке» [Бродский 2013: 180];

*Вот я весь пред Тобой, словно пенек из снега,
горло вытянув вверх – вран, но белес, как аист,
белым паром дыша, руку подняв для смеха,
имя Твое кричу, к хору птиц прибиваюсь*

«Прощальная ода» [Бродский 2013: 168];

*Но каждый так далек от райских врат,
так беден, пуст, так чист, что в них – единство*

«Большая элегия Джону Донну» [Бродский 2013: 138];

*Там, где лежат верблюды, Исаак
с каким-то пришлецом ведет беседу*

«Исаак и Авраам» [Бродский 2013: 156].

Употребление неполногласия «хлад» (пример 1) в этом стихотворении служит созданию выразительности и поэтизации речи. Конечно, нельзя трактовать произведения И. Бродского как только выразительные описания. В ткани стихотворения всегда присутствует печать его мировосприятия, характерная особенности его стиля.

Использование архаической формы в примере 2 создает большую выразительность, служит усилением признака (ср. стилистически нейтральные *тащить, волочить*). Семантика лексемы переходит в бытийный план и приобретает большую значимость (ср. *влачить существование*).

В стихотворении «Полонез: вариация» (пример 3) наблюдается употребление неполногласного слова в функции поэтизации речи.

В 4 примере употребление такой формы слова служит для создания исторической стилистики.

«Прощальная ода» (пример 5). Уже в названии прописан жанр – ода. Это говорит о возвышенности произведения и употребления соответствующей лексики.

В примере 6 сразу можно отметить, что выражение «райские врата» уже устоялось. Оно дает отсылку к Библии. Так же, как и в примере 7. Стихотворение «Исаак и Авраам» о библейских персонажах. Возвышенная лексика органично вписывается в направленность произведения.

Стилистически маркированные полногласия.

Здесь можно привести только один пример – полон (1 употребление). Данная лексема не стилистически нейтральная по сравнению со своим неполногласным вариантом «плен», который принадлежит к активному пласту лексики.

*Там были также ряды колонн,
забредшие в те снега,
как захваченные в полон,
раздетые донага*

«Полдень в комнате» [Бродский 2009: 23].

Архаичный эквивалент в этом случае намного выразительнее и несет гораздо большую эмоциональную нагрузку.

Начальное Е вместо О.

...кто вздрагивал единожды в году...

«Зофья» [Бродский 2013: 112].

В указанном примере признаком устаревания фонетического вида слова является начальное Е вместо О. Надо обратить внимание на различия между славянским (архаическим) и русским вариантами. Последний (с начальным О) имеет более конкретное значение и отмечается в качестве стилистически нейтрального. Славянизм наоборот предназначается для создания высокой, торжественной патетики (заметим переключку с библейским «единожды солгав»).

Слова, несвойственные по фонетике современному произношению:

...Вода

дробит в зерцале пасмурном руины

Дворца Курфюста...

«Открытка из города К.» [Бродский 2011: 25].

Это в древнерусском (и церковнославянском) языке обозначало зеркало. И. Бродский употребляет эту архаическую форму для исторической стилизации и наиболее полной передачи атмосферы изображаемого им времени.

Тем временем клиент спокойно дремлет

и видит чисто греческие сны:

с богами, с кифаредами, с борьбой

в гимнасиях, где острый запах пота

щекочет ноздри

«Post aetatem nostram» [Бродский 2011: 101];

Что год от февраля отрезал,

он дрожью роздал,

и кутается в тогу цезарь

(верней, апостол)

«Пьяцца Матеи» [Бродский 2009: 105].

Данные слова в примерах употреблены по одному разу. Они изменили свою звуковую оболочку в результате исторического развития. Здесь эти лексемы используются для возвышенности речи.

И всегда за спиной, как отбросив костяшки, рука

то ли машет вослед, в направленьи растраченных денег,

*то ли вслух громоздит зашвырнувшую вас в облака
из-под пальцев аккордом брэнчащую сумму ступенек*

«Bagatelle» [Бродский 2009: 19].

Слово «вослед» употреблено в анализируемых стихотворениях поэта 23 раза. Оно аналогично современному «вслед». Лексема «вослед» служит для создания большей выразительности.

*Раскроешь рот, и вмиг к устам печать
прильнет, сама стократ белей бумаги*

«Пришла зима, и все, кто мог лететь...»[Бродский 2013: 195];

Вкруг урны пляшут на ветру окурки

«Einem alten Architekten in Rom»[Бродский 2013: 187];

Ужель и он не слышит сзади звона?

«Einem alten Architekten in Rom»[Бродский 2013: 187];

...А течи

*тем плохи, что любой дегенерат
решился бы, поскольку недалече,
удрать хоть головою в Ленинград...*

«Горчаков и Горбунов» [Бродский 2013: 282];

*Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть,
не буква «Т» - а тотчас КРЕСТ пред нами.*

И ветки, видит он, длинней, длинней.

И вот они его в себя прияли

«Исаак и Авраам» [Бродский 2013: 152].

Лексема «стократ» (4 употребеления) в примере 5 служит для поэтизации речи. Рядом с ней мы наблюдаем собственно-лексический архаизм.

В примерах 6 и 7 слова «вкруг» (2 употребеления) и «ужель» (1) используются для поэтизации речи.

В примере 8 с помощью слова «недалече» (1 употребеление) мы наблюдаем иронию.

Большое стихотворение «Исаак и Авраам» (пример 9) наполнено огромным количеством устаревших слов. Приведенные строки не являются

исключением. Здесь лексема «приятъ» (1 употребление) служит для создания возвышенности.

Окончание -ье вместо -ие.

В словарях слова с указанными окончаниями имеют стилистические пометки. Мы относим их к лексико-фонетическим архаизмам, так как изменен их фонетический облик. В качестве примера можно привести такие слова, как населенье (2 употребления), отраженье (10), молчанье (18), паденье (2), воспоминанье (5), изгнанье (3), тяготенье (2), волненье (4), движенье (7), названье (2), объятье (2), смятенье (2), возвращенье (3), рыданье (2), величье (3), отношенье (2). Следующие примеры употреблены по одному разу – признанье, значенье, подземелье, провиденье, теченье, утешенье, униженье, описание, упование, проклятье, соединенье, отопленье, украшенье, зарожденье, наказанье, положенье, поколенье, жженье, существованье. Рассмотрим конкретные примеры:

*Я дважды пробуждался этой ночью
и брел к окну, и фонари в окне
обрывок фразы, сказанной во сне,
сводя на нет, подобно многоточью
не приносили утешенья мне*

«Любовь» [Бродский 2011: 132];

*Вот откуда пер,
Томас, к буквам привязанность.
Вот чем
объясняться должно тяготенье, не так ли?*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 69];

*...Еле слышный
голос, принадлежащий Музе,
звучащий в сумерках как ничей, но
ровный, как пенье зазимовавшей мухи,
нашептывает слова, не имеющие значенья*

«Жизнь в рассеянном свете» [Бродский 2009: 200];

*И это – царство прошлого. Тропы,
заглохнувшей в действительности. Лужи,
хранящей отраженья*

«На выставке Карла Виллинка» [Бродский 2009: 196].

Как можно увидеть, данные слова употреблены для создания большей выразительности.

Окончание -ие вместо -ье.

Здесь отметим несвойственные современному произношению лексемы «несчастье» (2 употребления) и «судия» (1). Они служат для создания большей выразительности и поэтизации речи.

*Куда-нибудь. Не ведаю. По свету.
Немного на свете выбирая
из горестей, но радостно по следу,
несчастье по следу посылая*

«Шествие» [Бродский 2013: 87];

Ты, Горбунов, мой высший судия!

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 282].

Таким образом, мы удостоверились, что лексико-фонетические архаизмы широко используются И. Бродским.

С функциональной стороны, интересующие нас слова привлекаются И. Бродским для:

1. поэтизации речи и создания высокой экспрессии;
2. исторической и фольклорной стилизации;
3. создания иронии;
4. создания большей выразительности;
5. версификационной функции;
6. реминисценции конкретного источника и создания общелитературного контекста.

2.2.2.3. Лексико-словообразовательные архаизмы

Следующий пункт рассмотрения архаизмов посвящен лексико-словообразовательным как одной из подгрупп лексических архаизмов.

Префикс воз-(вос-), низ-(нис-).

Основное место занимают лексемы с префиксом воз-(вос-). Помимо них здесь же рассмотрены случаи употребления слов, образованных с помощью приставки низ-(нис-). Слова из вышеперечисленных подгрупп не противоположны по стилистической окраске и фактически не отличаются друг от друга функционально. Они создают высокую экспрессию и поэтизируют речь. Надо заметить, что большее количество слов с указанной приставкой – это глаголы (т.е. обозначают определенное действие). Префикс воз-(вос-) в совмещении с глагольным корнем придает эмоциональную окрашенность лексеме и тем самым превращает действие в некий существенный творческий или духовный акт. Обратимся к следующим примерам:

*Планеты раскачиваются, как лампы,
которые Бог возжег в небосводе
в благоговеньи Своем великом...
(1 употребление данного глагола)*

«Речь о пролитом молоке» [Бродский 2011: 21];

*Так выбирай сверкающий подъезд
или пластмассу театральных мест,
иль дом друзей, бывшее возлюбя
(1 употребление данного глагола, а именно деепричастия)*

«Шествие» [Бродский 2013: 78];

*Будь гостем, Гость. Я созову друзей
(пускай они возвеселятся тоже), –
веселых победительных гостей
и на Тебя до ужаса похожих
(1 употребление данного глагола)*

«Гость» [Бродский 2013: 9];

*Когда я умру, а сказать точней,
когда я проснусь и когда скучней
на первых порах мне придется там,
должно быть, виденья, я вам воздам
(4 употребления данного глагола)*

«Письмо в бутылке» [Бродский 2013: 181];

*Дуй, дуй, пускай все станет в них другим,
пускай воззрится дрозд щеглиным взглядом...
(3 употребления данного глагола)*

«Пришла зима, и все, кто мог лететь...» [Бродский 2013: 192];

*Когда я, наконец, пришел в себя,
Он возлежал уже на прежнем месте...
(1 употребление данного глагола)*

«Посвящается Ялте» [Бродский 2011: 58];

*К тебе свои молитвы возношу!
(5 употреблений данного глагола)*

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 283];

*Там, на кресте
Не возоплю: «Почти меня оставил?!»
(1 употребление данного глагола)*

«Разговор с небожителем» [Бродский 2013: 323];

*...И если резко
Шагнуть с дебаркадера вбок, вовне,
Будешь долго падать, руки по швам; но не
Воспоследует всплеска
(1 употребление данного глагола)*

«Колыбельная Трескового Мыса» [Бродский 2013: 362];

*...выдохнуться, воспрясть,
Метнусь наперерез
(1 употребление данного глагола)*

«Горение» [Бродский 2009: 164];

Восславим приход весны!

(1 употребление данного глагола)

«Восславим приход весны!» [Бродский 2009: 73];

...и перпендикуляр стоймя

Воставь, как небесам опору...

(1 употребление данного глагола)

«Пенье без музыки» [Бродский 2011: 88].

Говоря о лексеме с приставкой низ-(нис-), можно заметить экспрессивную размытость между ней и вышеописанными примерами.

...То есть, помесь гнева

С ужасом. Он опять

Низвергается

(2 употребления данного глагола)

«Осенний крик ястреба» [Бродский 2009: 56].

Префикс со-

В данной подгруппе лексико-словообразовательных архаизмов выступают лексемы с префиксом со-. Здесь мы выделим такие формы, как «сокрывать» (7 употреблений) и «сокрушаться» (3). Они обладают повышенной выразительностью и выполняют функцию создания высокой экспрессии.

Они сокрылись, платья их шумят,

Несясь вслед листве, пример подавшей.

Они исчезли, воздух их сокрыл,

И лес ночной сейчас им быстро дышит...

«Пришла зима, и все, кто мог лететь...» [Бродский 2013: 191];

Ничто души твоей не сокрушит

«Зофья» [Бродский 2013: 118];

«Боль сокрушит гордыню»

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 264];

Не сокрушайся ж, если

Твой век, твой вес

Достойны немоты:

Звук - тоже время

«Бабочка» [Бродский 2013: 344].

Суффикс -у-, -ств-.

В последнем пункте рассмотрены формы глаголов, образованных с помощью суффикса -у- (3 употребления) и -ств- (3 употребление), которые входят в пассивный словарный запас, когда эквиваленты этих же форм, созданные по иному примеру, относятся к активному словоупотреблению. Данные формы выполняют функцию создания высокой экспрессии:

*Левиафаны машут хвостом
по волнам от радости кверху дном,
когда указует на них перстом
вектор призрачным гарпуном*

«Письмо в бутылке» [Бродский 2013: 177];

*...безмолвствует душа моя, и вот
немолвствует, безмолвствует народ,
неслыханно безмолвствует зима,
от жизни и от смерти без ума*

«Зофья» [Бродский 2013: 115];

*... Время коротких суток,
сняемого плаща, разбухших ботинок, судорог
в желудке от желтой вареной брюквы;
сильного ветра, треплющего хоругви
листолюбивого воинства*

«Время подсчета цыплят ястребом; скирд в тумане...» [Бродский 2009: 74];

*Вот чем дышит вселенная. Вот
что петух кукарекал,
упреждая гортани великую сушь!
Воздух — вещь языка*

«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» [Бродский 2009: 71].

Общеупотребительными вариантами этих лексем являются, соответственно, слова «указывать», «немой», «войско», «предупреждать».

Как можно убедиться, И. Бродский активно употребляет и различные лексико-словообразовательные архаизмы. Фактически, ведущей функцией вышеуказанных слов в поэтическом тексте является функция создания высокой экспрессии, доказательством чему служат приведенные примеры.

2.2.2.4. Лексико-морфологические архаизмы

Этот пункт мы посвятим морфологически (грамматическим) архаизмам и их функциям в стихотворениях. Данные элементы языка, так как они выпадают из современного языкового пространства, обыкновенно стилистически маркированы или как высокие, книжные, поэтические, или как просторечные, потому ведущей функцией у них в художественной литературе является стилистической.

Применение морфологических архаизмов для стилизации можно сопоставить с привлечением лексических архаизмов. Все же между ними есть одна существенная разница – их чужеродность в тексте, написанном на современном русском языке, воспринимается очень резко. Причина заключается в том, что лексические архаизмы обладают большей или меньшей степенью устаревания. Большинство из них могут быть расценены как пассивные составляющие каких-либо периферийных пластов лексики современного русского языка. Морфологические архаизмы, не вошедшие с переосмысленной семантикой в современный русский язык, все время воспринимаются как элементы другой системы [Шмелев 1960: 7].

Творчество И. Бродского выступает в качестве богатейшего материала для иллюстрации употребления морфологических архаизмов всевозможных частей речи.

Устаревшие грамматические формы именных частей речи.

а) Существительные.

В первом пункте рассмотрю грамматические архаизмы-существительные. В них можно выделить лексему «крыла» (4 употребления), которая является традиционным поэтизмом.

*В общем, песня сатир
вторит шелесту крыл*

«Строфы» [Бродский 2009: 39];

«Уноси нас с собой на крылах»

«Полевая эклога» [Бродский 2013: 165].

Традиционным поэтизмом для поэзии XIX века является форма множественного числа «крыла». В том же веке данная форма в качестве поэтической использовалась как в прямом (крылья птицы) так и в переносном значении (символ поэтического дара и вдохновения). Выполняя функцию поэтизации речи и стилеобразующую, форма «крыла» здесь задействована автором в прямом значении (крылья стрекозы, птицы).

б) Местоимения.

Немногочисленную подгруппу морфологических архаизмов представляют местоимения. В проанализированных нами стихотворениях встречаются, например, относительные местоимения «коего» (3 употребления), «коей» (3), «коим» (2), «кой» (5), «коих» (2), «коего» (2):

*Вещь есть пространство, вне
коего вещи нет*

«Натюрморт» [Бродский 2011: 129];

*В близоруком величье своем,
с коим взгляд твой к пространству прикован,
скрыто чувство, что странный объем,
как залог тебе долгий, дарован...*

«Полевая эклога» [Бродский 2013: 166].

Данные местоимения имеют книжную стилизацию, обозначают то же, что и который – присоединяет придаточные определительные, указывая на тот предмет, о котором говорится в главном предложении.

Итак, среди устаревших форм имени можно выделить случаи использования архаизмов-существительных и местоимений.

Устаревшие грамматические формы глаголов и глагольных форм.

а) Глаголы.

Следующую группу морфологических архаизмов представляют глаголы. Здесь можно встретить устаревшие формы атематических глаголов.

Атематические глаголы представлены формой первого лица единственного числа «есть» и формой второго лица единственного числа «еси»¹⁹.

У И. Бродского форма первого лица единственного лица выполняет функцию ироничности. В этом примере противопоставляется один и тот же глагол в разных стилистических окрасках – возвышенной и нейтральной, общеупотребительной:

*Ибо чувствую, что я
тогда лишь есть, когда есть собеседник!*

«Горбунов и Горчаков» [Бродский 2013: 282].

Форма второго лица единственного числа «еси» встречается в нижеприведенном контексте, акцентируя значение бытийности:

*Тот, кто вверху еси,
да глотает твой дым!*

«Горение» [Бродский 2009: 165].

Считается, что грамматические формы, пропавшие из языка, аналогично ископаемым животным, в отличие от лексических архаизмов, не возрождаются [Шмелев 1960: 8].

Тем не менее, как можно заметить, утверждение это достаточно спорное. Использование данных форм позволяет думать, что они являются одним из ведущих выразительных средств поэтического языка вообще и составляющих поэтического стиля И. Бродского в частности, владея большей экспрессивностью, чем общеупотребительные эквиваленты.

¹⁹ Л.В. Зубова описывает применяемую М.И. Цветаевой форму первого лица единственного числа «есть» в двух функциях:

1. глагола-связки, заменяющего и нулевую связку и местоимение «Я» и выявляющего, подчёркивающего природную сущность признака-предиката;
2. экзистенциального глагола, заменяющего современную форму «есть», которая утратила признак лица [Зубова 1982: 55].

2.2.2.5. Семантические архаизмы

Это такие архаизмы, которые сохранились в языке, но перестали употребляться в одном из прежних лексических значений. Знание данного типа архаизмов помогает понимать правильно язык писателя. Обратимся к конкретным примерам.

а) Слово «взор». Общеупотребительным является такое толкование слова, как устремленность глаз куда-либо на кого-либо, т.е. взгляд. И. Бродский же использует в своих стихотворениях эту лексему как глаза. Зафиксировано 20 употреблений. Данное толкование имеет пометку в словаре «устаревшее».

Начала и концы там жизнь от взора прячет

«Пятая годовщина (4 июня 1977)» [Бродский 2009: 78];

*Слава тем, кто, не поднимая взора,
шли в абортарий в шестидесятых,
спасая отечество от позора!*

«Стихи о зимней кампании 1980-го года» [Бродский 2009: 111];

*...И «там», напрягая взор,
память бродит по комнатам в сумерках, точно вор,
шаря в шкафах, роняя на пол роман,
запуская руку к себе в карман*

«Келломайки» [Бродский 2009: 160].

В первом примере поэт говорит негативно о российской действительности. Стилистически маркированное слово нужно ему для создания иронии.

Во втором примере автор также раскрывает тему родины, но уже в положительном контексте. Употребленное им слово «взор» служит для создания большей выразительности.

В примере три устаревшее слово И. Бродский использует для поэтизации речи. Стихотворение «Келломайки» посвящено Марии

Басмановой, любви поэта. Поэтому здесь он использует возвышенную, а не нейтральную лексику.

б) Слово «глагол». В современной действительности данное слово часто используется в русском языке для обозначения части речи, которая выражает состояние или действие. В давние же времена эта лексема обозначала речь, слово. Иосиф Бродский пользуется словом «глагол» в устаревшем значении и употребляет его 7 раз.

*Не стану жечь
тебя глаголом, исповедью, просьбой,
проклятыми вопросами – той оспой,
которой речь
почти с пелен
заражена – кто знает? – не тобой ли...*

«Разговор с небожителем» [Бродский 2013: 321];

*...уже ни в ком
не видя места, коего глаголом
коснуться мог бы, не владея горлом...*

«Разговор с небожителем» [Бродский 2013: 321].

Нетрудно убедиться, что данные лексеммы автор использует для возвышенности речи.

в) Слово «искус». Зафиксировано 1 употребление. В нейтральном варианте эта лексема толкуется как проверка, испытание чьих-либо качеств. Пометка «устаревшее» стоит на таком толковании, как соблазн, искушение. И. Бродский применяет данное слово для поэтизации речи.

*...и ты уйдешь, не задолжав за хлеб,
но искус у окна преодолев...*

«Шествие» [Бродский 2013: 57].

Рассмотрев примеры, мы убедились, что поэт употребляет в своих произведениях семантические архаизмы для создания иронии и поэтизации речи. Устаревшая лексика служит созданием большей выразительности поэтических текстов.

Таким образом, И. Бродский активно пользуется историзмами и архаизмами. Как можно увидеть, архаизмы в его стихотворениях преобладают. Они в свою очередь делятся на такие подгруппы: собственно-лексические, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные, лексико-морфологические и семантические архаизмы. Здесь наиболее употребительными являются собственно-лексические архаизмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэзия И. Бродского – одно из известных и живописных явлений в русской литературе прошлого века. До сегодняшнего времени интерес к личности поэта и его творчеству не ослабевает: ему посвящаются документальные и художественные фильмы, передачи, постоянно переиздается литературные сборники, доклады о нем звучат на научных конференциях. Ученые, изучая произведения И. Бродского, обратили внимание на стремление автора продолжить поэтические традиции прошлого, с одной стороны, и одновременно по-новому взглянуть на искусство и поэзию. Активное использование устаревшей лексики как стилеобразующего средства в стихотворениях и поэмах свидетельствует о том, что И. Бродский ощущает себя преемником и продолжателем традиций русской поэзии XIX века.

Устаревшая лексика органично входит в текст лирических произведений И. Бродского и принимает активное участие в образовании его самобытного поэтического стиля. Она употребляется для поэтизации речи, создания высокой экспрессии или иронии, служит приёмом исторической стилизации, отражает литературные пристрастия эпохи.

Всего было проанализировано 229 единиц устаревшей лексики. Если сравнивать количество употребления историзмов и архаизмов в поэзии И. Бродского, то архаизмов значительно больше – 178 единиц, в то время как историзмов насчитано только 51. Среди различных типов архаизмов самыми частотными оказались собственно-лексические (80 единиц) и лексико-фонетические (65), далее следуют лексико-словообразовательные (21), как наименее употребительными выявлены подгруппы лексико-морфологических (9) и семантических (3) архаизмов.

Наблюдается постепенное увеличение количества употреблений архаических слов в поэзии автора от раннего периода творчества к более позднему. Это можно увидеть, исходя из приводимых примеров, что самое

малое количество употреблений архаизмов встречается в сборнике «Конец прекрасной эпохи». Все стихотворения, вошедшие в него, И. Бродский написал до своей эмиграции. В сборнике «Урания» устаревшей лексики значительно больше. Все вошедшие стихотворения в «Уранию» написаны поэтом в период эмиграции. В поэтическом сборнике «Разговор с небожителем» встречается наибольшее количество архаичной лексики. Это объясняется тем, что в него вошли поэмы И. Бродского и «большие стихотворения» (жанр, созданный самим автором). В нем встречается такое поэтическое произведение, как «Прощальная ода», а это торжественное стихотворение требует соответствующего возвышенного пласта лексики.

Уровень употребительности архаизмов не зависит от тематической направленности поэтического текста И. Бродского: они одинаково частотны в стихах различной тематики, как в стихотворении, посвященном рядовому событию обыденной жизни: *воробьи восседают на проводах* («В Англии»); или в стихотворении о любви: *То промелькнет щека, то полыхнут уста* («Горение»); или в стихотворении с элементами детектива: *Когда я, наконец, пришел в себя, он возлежал уже на прежнем месте* («Посвящается Ялте»); или в стихотворении о природе:

*Выползая из недр океана, краб на пустынном пляже
зарывается в мокрый песок с кольцами мыльной пряди,
дабы остынуть, и засыпает* («Колыбельная трескового мыса»).

При помощи историзмов автор решает сразу несколько задач: он использует их в качестве номинативной функции, для исторической стилизации. Также историзмы способствуют созданию неповторимой исторической метафоры. Архаический же пласт лексики помогает И. Бродскому воссоздать высокий стиль и усилить выразительность образов. Помимо всего, автор обращается к лирике, пронизанной богоискательскими настроениями, и даже вводит иронический оттенок в некоторых своих стихотворениях.

Устаревшая лексика является неотъемлемой частью поэтического стиля И. Бродского. С помощью этого пласта слов поэт поднимает темы жизни и смерти, любви, Родины, чести. Общественная и быденная тематика его не интересует, он стремится понять тайны бытия. Не случайно А. Ахматова, передавая эстафету серебряного века молодому поэту XX века, пророчески предрекла ему сложную судьбу в строках, в которых включен архаизм-поэтизм²⁰.

А. Кушнер также высказался об И. Бродском, затрагивая темы «поэт и толпа», «земные» ценности и разные пласты лексики²¹.

Архаизм в поэзии И. Бродского выступил своего рода путеводной звездой, которая направляла поэта, связывала прошлое и настоящее, поднимала над обыденностью, вела сквозь суету будней к пониманию настоящего через призму исторического зеркала. Так через познание прошлого, поэт находит понимание настоящего. И на этом пути познания ему служит исторический пласт русской лексики.

²⁰ *О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.*

²¹ «Поэт, по Бродскому, – человек, противостоящий «толпе» и мирозданию. В поэзии Бродского просматривается лирический герой, читатель следит за его судьбой, любит его и ужасается тому, что с ним происходит. С этим, как всегда, связано представление о ценностях: они усматриваются не в жизни, а, может быть, в душе поэта. С земными «ценностями» дело обстоит неважно. Оттого и вульгаризмы, грубость, соседство высокого и низкого, чересполосица белого и черного» [Кушнер: электр. источник].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, А.А. Семантические архаизмы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» [Текст] / А.А. Абдуллаев, Д.А. Рамазанова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Дагестан: ДГПУ, 2013. – Вып. №4. – 25-40 с.
2. Арапов, М.В. Пассивный словарь [Текст] / М.В. Арапов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 396 с.
3. Артеменко, Е.П. О некоторых приемах изучения языка художественных произведений [Текст] / Е.П. Артеменко, Н.К. Соколова. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. – 106 с.
4. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Бабкин, А.М. Устарелые слова в современном языке и словаре [Текст] / А.М. Бабкин // Современная русская лексикография. – Л.: Наука, 1983. – 4-33 с.
6. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – м.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.
7. Белоусова, А.С. Устаревшие слова [Текст] / А.С. Белоусова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 540 с.
8. Бродский, И. Барбизон Террас [Текст] / И. Бродский [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://brodskiy.su/barbizon-terras/>. (Дата обращения 11.01.2017).
9. Бродский, И. Проза и эссе (Основное собрание) [Текст] / И. Бродский // Зачем российские поэты?.. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt. (Дата обращения 29.11.2015).
10. Бродский, И. Урания: Стихотворения [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. – 224 с.

11. Бродский, И. Конец прекрасной эпохи: Стихотворения [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 144 с.
12. Бродский, И. Разговор с небожителем: Стихотворения, поэмы [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 448 с.
13. Бухарева, Н.Т. Архаизмы и историзмы в современном русском языке [Текст] / Н.Т. Бухарева // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск: Наука, 1986. – 5-16 с.
14. Виноградов, В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 512 с.
15. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
16. Винокур, Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке [Текст] / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 443-459 с.
17. Винокур, Г.О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина [Текст] / Г.О. Винокур // О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 228-236 с.
18. Винокур, Г.О. Об изучении языка литературных произведений [Текст] / Г.О. Винокур // О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 32-63 с.
19. Винокур, Г.О. понятие поэтического языка [Текст] / Г.О. Винокур // О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 24-31 с.
20. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
21. Гинзбург, Л. О лирике [Текст] / Л. Гинзбург. – М.-Л.: Советский писатель, 1964. – 382 с.
22. Голос надежды: Новое о Булате [Текст] / Сост. А.Е. Крылов. – М.: Булат, 2007. – 512 с.
23. Гордин, Я. Переключка во мраке: Иосиф Бродский и его собеседники [Текст] / Я. Гордин. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – 232 с.

24. Григорьева, А.Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русском языке [Текст] / А.Д. Григорьева. – М.: Учпедгиз, 1953. – 68 с.
25. Григорьева, А.Д. Язык поэзии XIX-XX веков. Фет. Современная лирика [Текст] / А.Д. Григорьева, Н.Н. Иванова. – М.: Наука, 1985. – 232 с.
26. Григорьева, Н.О. Архаизмы в текстах циклах «Провинциальный детектив» Б. Акунина: функционально-коммуникативный аспект [Текст] / Н.О. Григорьева, Д.В. Котова // Научный диалог: вопросы гуманитарных исследований [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://interactive-plus.ru/ru/article/5852/discussion_platform. (Дата обращения 28.04.2017).
27. Дворникова, Е.А. Проблемы изучения традиционно-поэтической лексики в современном русском языке [Текст] / Е.А. Дворникова // Вопросы лексикологии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 141-154 с.
28. Емельянова, О.Н. О «пассивном» словарном запасе языка и «устаревшей» лексике [Текст] / О.Н. Емельянова // Русская речь. – 2004. – Вып. №1. – 46-50 с.
29. Ефимов, А.И. О языке художественных произведений [Текст] / А.И. Ефимов. – М.: Учпедгиз, 1954. – 288 с.
30. Замкова, В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века [Текст] / В.В. Замкова. – Л.: Наука, 1975. – 221 с.
31. Зубова, Л.В. О семантической функции грамматических архаизмов в поэзии М. Цветаевой [Текст] / Л.В. Зубова // Вопросы стилистики. Функциональные стили русского языка и методы их изучения. Межвузовский научный сборник. – Саратов: Издательство Саратовского Университета, 1982. – Вып. №17. – 46-60 с.
32. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект [Текст] / Л.В. Зубова. – СПб: Издательство СПбГУ, 1989. – 264 с.
33. Иванова, Н.Н. Высокая и поэтическая лексика [Текст] / Н.Н. Иванова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – М.: Наука, 1977. – 7-77 с.

34. Ивонтьева, А.К. Старославянизмы и их роль в творчестве М.Ю. Лермонтова [Текст] / А.К. Ивонтьева // Филология и литературоведение [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2015/03/1322/> (Дата обращения 26.01.2017).

35. Интерпретация художественного текста: пособие для преподавателей [Текст]. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1984. – 80 с.

36. Калинин, А.В. Русская лексика [Текст] / А.В. Калинин. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1960. – 59 с.

37. Касаткин, Л.Л. Архаизмы [Текст] / Л.Л. Касаткин // Краткий справочник по современному русскому языку. – М.: Высшая школа, 1996. – 11-13 с.

38. Киселева, Н.М. Из наблюдений над использованием архаических форм в художественном тексте [Текст] / Н.М. Киселева // Функционирование архаических и новых элементов в системе русского языка. – М.: Наука, 1986. – 88-91 с.

39. Колодина, А.С. Устаревшие слова басен И.А. Крылова [Текст] / А.С. Колодина, Е.В. Меньших // осенний школьный марафон: материалы II международной заочной онлайн-конференции школьников. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – 115-117 с.

40. Кондрашов, Н.А. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей [Текст] / Н.А. Кондрашев, А. Едличка // О пражской теории литературного языка. М.: Прогресс, 1967. – 560 с.

41. Копорская, Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени [Текст] / Е.С. Копорская. М.: Наука, 1988. – 232 с.

42. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история [Текст] / Э. Косериу // новое в лингвистике. – М.: Иностранная литература, 1963. – Вып №3. – 143-309 с.

43. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.
44. Кушнер, А. О Бродском [Текст] / А. Кушнер [Электронный ресурс]. – режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/60s/brodsk/kushner.htm>. (Дата обращения 11.03.2017).
45. Лесных, Е.В. Архаизация советизмов [Текст] / Е.В. Лесных // Русистика. Лингводидактика. – Липецк, 1999. – 69-74 с.
46. Лесных, Е.В. Процессы архаизации общественно-политической лексики в 20-30-е гг. XX в. [Текст] / Е.В. Лесных // Исследования по русскому и общему языкознанию. – Липецк, 2000. – 69-88 с.
47. Лесных, Е.В. К вопросу о классификации устаревшей лексики [Текст] / Е.В. Лесных // Русский язык. Лингвистические наблюдения. – Липецк, 200. – 107-120 с.
48. Лесных, Е.В. Архаизация лексики русского языка XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Лесных. – Елец, 2002. – 21 с.
49. Ломоносов, М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке [Текст] М.В. Ломоносов. – М.: Советский писатель, 1986. 473-478 с.
50. Лосев, ЛВ. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии [Текст] / Л.В. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 447 с.
51. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха [Текст] / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
52. Мансветова, Е.Н. Славянизмы в русском литературном языке XI-XII веков: учебное пособие [Текст] / Е.Н. Мансветова. – Уфав: Издательство Башкирского государственного университета, 1990. – 76 с.
53. Михайлова, Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития (на материале русского литературного языка XVIII в.): автореф. канд. дисс. [Текст] / Е.Г. Михайлова. – Киев. 1987. – 15 с.

54. Моисеева, Л.Ф. Лингво-стилистический анализ художественного текста [Текст] / Л.Ф. Моисеева. – Киев: Издательство при Киевском государственном университете «Вища школа», 1984. – 88 с.
55. Нестерова, М.Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика [Текст] / М.Н. Нестеров // Нестеров М.Н. – Смоленск-Брянск, 1988. – 88 с.
56. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М: Русский язык, 1982. – 816 с.
57. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста [Текст]. – М.: Наука, 1993. – 240 с.
58. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Образные средства поэтического языка и их трансформации [Текст]. – М.: Наука, 1995. – 263 с.
59. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста [Текст]. – М.: Наука, 1990. – 304 с.
60. Павлюченкова, Т.А. Элементы диалектного и просторечного произношения в поэтической фонике И.А. Бунина [Текст] / Т.А. Павлюченкова // Восьмые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Часть 3. Слово в тексте. Лексикография как источник информации для лингвистических исследований. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2007. – 18-23 с.
61. Прищепа, В.П. Парадигма идейно-эстетических поисков Е.А. Евтушенко [Текст] / В.П. Прищепа. – М.: МГПУ, 1999. – 598 с.
62. Ранчин, А. Иосиф Бродский. Книга интервью [Текст] / А. Ранчин [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.e-reading.by/chapter.php/77760/36/Kriticheskaya_Massa%2C_2006%2C___2.html. Дата обращения 11.11.2015).
63. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык [Текст] / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Международные отношения, 1994. – 560 с.

64. Русский язык [Текст] / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: АCADEMIA, 2004. – 400 с.
65. Самотик, Л.Г. Лексика современного русского языка: учебное пособие [Текст] / Л.Г. Самотик. – М.: Флинта, 2012. – 510 с.
66. Самотик, Л.Г. Словарь пассивного словарного состава русского языка: архаизмы, историзмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие [Текст] / Л.Г. Самотик. – Красноярск: Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2005. – 424 с.
67. Словарь современного русского литературного языка [Текст]. – М.-Л.: Наука, 1948-1965. – Т.1-17.
68. Словарь русского языка [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, Полиграф ресурсы, 1999. – Т.1-4.
69. Словарь устаревших слов [Текст] / [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.krupenichka.ru/ustarevshie-slova/slovar-ustarevshih-slov.html>. (Дата обращения: 14.10.2015).
70. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: МГУ, 1956. – 260 с.
71. Сомов, В.П. Словарь редких и забытых слов [Текст] / В.П. Сомов. – М.: Астрель, 2009. – 605 с.
72. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 696 с.
73. Студнева, А.И. Лингвистический анализ художественного текста: учебное пособие [Текст] / А.И. Студнева. – Волгоград: Издательство ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. – 88 с.
74. Тарасов, Л.Ф. Лингвистический анализ поэтического произведения [Текст] / Л.Ф. Тарасов. – Харьков: Издательство Харьковского университета, 1972. – 48 с.
75. Тарланов, З.К. Методы и принципы лингвистического анализа [Текст] / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995. – 192 с.

76. Тахсин, А. Редкая и устаревшая субстантивная лексика в произведениях А.П. Чехова [Текст] / А. Тахсин. – Воронеж: ВГУ, 2009. – 164 с.
77. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы [Текст] / Л.И. Тимофеев. – М.: Просвещение, 1976. – 448 с.
78. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 38-51 с.
79. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т.1-4.
80. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология [Текст] / М.И. Фомина. – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.
81. Хайнжамц Отгон-Эрдэнэ. Семантика и функции устаревших слов в идиостиле Ю.М. Нагибина: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Отгон-Эрдэнэ Хайнжамц. – М., 2007. – 24 с.
82. Хлупина, М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова [Текст] / М.А. Хлупина. – М.: МГОУ, 2014. – 249 с.
83. Шанский, Н.М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка [Текст] / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. – 1954. – Вып. № 3. – 27-33 с.
84. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
85. Шанский, Н.М. О лингвистическом анализе и комментировании художественного текста [Текст] / Н.М. Шанский // Анализ художественного текста. Сборник статей. – М.: Педагогика, 1975. – Вып. №1. – 21-38 с.
86. Шмелева, М.Н. Архаизмы и церковнославянизмы в произведениях А.С. Пушкина и проблема их перевода на английский язык: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Н. Шмелева. – М.: МГОПИ, 2004. – 238 с.
87. Шпотова, И.В. Стилистическая функция – новый смысл существования лексических архаизмов. Автореф. дисс. канд. филол. Наук

[Текст] / И.В. Шпотова. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2003. – 19 с.

88. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Текст] / Л.В. Щерба // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. - №3. – 89-117 с.

89. Щерба, Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений [Текст] / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 97-109 с.

90. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Текст]. – СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1890-1907. – Т.86. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Энциклопедический_словарь_Брокгауза_и_Ефрона (Дата обращения: 11.11.2016).